

26.29(2)
КР 4-42

Н. ЧЕМОДАНОВ

**В ДВУХ
ШАГАХ
ОТ СЕВЕРНОГО
ПОЛЮСА**

ЗАПИСКИ
ГЕОЛОГА

ЧЕМОДАНОВ

**Записки
геолога**

Магаданское книжное издательство 1968

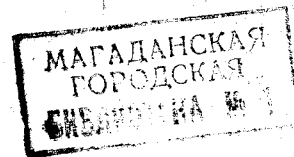
МАГАДАНСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА № 1

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Кр. 26.89(2)
4-42

Н. ЧЕМОДАНОВ • ЗАПИСКИ ГЕОЛОГА

В двух шагах от

северного полюса

УДК 553.3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Магаданская область, созданная 15 лет тому назад, имеет свою большую и интересную историю. Эта область часто называется «важным цехом страны», что в известном смысле определяет ее роль в укреплении советской денежной системы или, проще говоря, в общесоюзной добыче золота. Кроме золота, современная горнодобывающая промышленность края дает народному хозяйству немало олова и вольфрама, а в последнее время начата добыча ртути. Все эти минеральные богатства Крайнего Северо-Востока нашей Родины открыты и изучены магаданскими геологами, составляющими один из боевых отрядов многочисленной армии советских геологов. Коллектив магаданских геологов, большая часть которых объединена Северо-Восточным геологическим управлением, имеет много интересных традиций. Эти традиции, выражающие органическую связь геологических исследований с запросами горной промышленности, берут свое начало с 1928 года, когда в эти некогда пустынные и совершенно неизученные места прибыла первая советская геологическая экспедиция, руководимая Юрием Александровичем Билибиным, который заслуженно считается основоположником колымской школы геологов.

Книга Н. И. Чемоданова, одного из ветеранов освоения Северо-Востока СССР, освещает часть истории геологического изучения наиболее суровой и труднодоступной его части — Чукотки.

Советская литература не очень богата изданиями, посвященными описанию истории освоения отдаленных районов страны, поэтому предлагаемая читателю книга будет встречена с несомненным интересом. Н. И. Чемоданов является заметной фигурой среди геологов Северо-Востока, где он проработал более четверти века, из которых 16 лет отдано им делу изучения геологии и полезных ископаемых центральных районов Чукотского национального округа. Приехав на Колыму в 1939 году еще молодым геологом, только что окончившим Московский геологоразведочный институт, Н. И. Чемоданов в течение 10 лет работал в Тенькинском районе Магаданской области. Этот район входит в состав наиболее изученной и освоенной части области и характерен наиболее развитой горнодобывающей промышленностью.

На Теньке Н. И. Чемоданов занимается поисками и разведкой оловорудных и золоторудных месторождений. Этот период его деятельности завершается присуждением Н. И. Чемоданову Государственной премии. В 1949 году опытным специалистом в области поисков и разведки месторождений олова и золота Н. И. Чемоданов выдвигается на руководящую должность в Чаунское геологоразведочное управление, где он работает до 1965 года. Сейчас Николай Ильич Чемоданов — кандидат геолого-минералогических наук, руководит геологическим отделом Министерства геологии РСФСР. Чукотский период деятельности Н. И. Чемоданова отмечен Ленинской премией.

Книга посвящена этому периоду его работы и охватывает весьма интересную и поучительную историю открытия и освоения чукотских золотых россыпей, ныне известных всему миру. Личное участие автора в описываемых событиях, его воспоминания о друзьях и товарищах, работавших на Чукотке в эти годы, делают книгу интересной не только для людей знакомых с историей освоения Севера и его минеральных богатств, но и для широкого круга читателей.

Этот интерес определяется также и тем, что автор, повествуя об истории открытия чукотского золота, показывает также нелегкую борьбу различных мнений и взглядов на перспективы развития горной промышленности Чукотки и на оценку ее минеральных ресурсов.

В книге «В двух шагах от Северного полюса» Н. И. Чемоданов как бы продолжает описание истории геологического изучения Чукотки и развития ее горнодобывающей промышленности. Первые этапы этой истории хорошо показаны в книге другого чукотского геолога — М. И. Рохдина, которая носит название «Чукотское олово». Эта книга, выдержавшая несколько изданий, несомненно вдохновила Н. И. Чемоданова на продолжение увлекательной повести о самоотверженности и подвиге советских людей, превращающих холодные, для многих таинственные и пугающие далекие окраины Советского государства в освоенные районы, характеризующиеся бурно развивающейся промышленностью, ростом благоустройства рабочих поселков и городов, развитием культуры.

Н. Анисеев, главный геолог Северо-Восточного геологического управления

1 26 ИЮНЯ 1949 года ЛИ-2, похожий на большого зеленого кузнечика, покинул магаданский аэродром и взял курс на север-запад. Под крылом самолета неторопливо проплывали заснеженные вершины сопок, серой лептой мелькнула всегда оживленная автострада. Там, в небольшом таежном поселке, остались наш дом, знакомые и друзья.

Когда высотомер достиг отметки 2 400 метров, в самолете заметно похолодало: за бортом был мороз.

Жена потеплее укутала обоих мальчишек, а сама с маленькой Олей ушла в кабину к летчикам. Постепенно самолет внутри стал покрываться инеем: мы забрались на высоту 2 400 метров.

Прощай, Колыма, подумал я, заглядывая в иллюминатор. Десять лет труда отдано изучению твоих недр. Вспомнилось, как я двадцатидвухлетним юношей, только окончив институт, приехал в Магадан, вспомнился пароход «Феликс Дзержинский», доставивший нас в октябре 1939 года на далекую Колыму. В памяти промелькнули многие события тех лет: первое назначение на самостоятельную работу — геологом рудного отдела в Тенькинское райГРУ, брезентовая палатка на Игандже, где пришлось жить в суровую колымскую зиму, первая полевая партия с ее заботами и радостями откритий...

А самолет летел, все дальше удаляясь от Магадана. Вскоре стало теплее. Иней постепенно таял, с потолка начало капать. Стрелка альтиметра поползла вниз. Мои мальчишки проснулись, как будто почувствовав, что самолет начал снижаться.

Вскоре под крылом самолета промелькнул поселок, река Колыма с баржами и несколькими пароходиками, стоявшими у берега. Моторы заурчали тише, и через несколько минут самолет пошел на посадку. Мягко коснувшись земли, немного подпрыгнув, он побежал по летному полю. Бег постепенно замедлялся, и наконец самолет остановился.

Из кабины вышли летчики и объявили: «Дальше не полетим сегодня. Из-за плохой погоды. Ночевать будем здесь, в Зырянке».

Это известие нас безусловно не обрадовало, но делать было нечего, ночевать так ночевать. Все вышли из самолета. Первое впечатление — мы находимся где-то под Москвой. Жаркий, по-настоящему летний день. Ярко светит солнце. Ребятишки бегают босиком, в трусиках. Рядом с аэродромом несет свои воды Колыма. На противоположном берегу виднеется высокий кустарник и луг, который уходит далеко-далеко. И лишь невысокие сопки виднеются вдаль, нарушая «подмосковный» пейзаж.

...Ждать погоды пришлось два дня.

Дальше мы летим почти прямо на север. Я сижу у иллюминатора и, не отрывая взора, смотрю на новые места. Лес, в основном лиственный, постепенно становится реже и неожиданно исчезает. Начинается тундра. Так вот она какая, тундра, тундра о которой когда-то рассказывали на уроках географии в школе! Ровная, словно степь, голая местность. На ее зеленовато-серой глади виднеются синие глазки многочисленных озер. Одни из них большие, словно крупные пятна, другие маленькие, почти совсем круглые. Лишь изредка встречаются небольшие холмы-сопки да извилистые ленты многочисленных ручьев и речушек.

Глаз с трудом привыкает к полному безлесью, к необъятным просторам сверху кажущейся совершенно безжизненной земли. Лишь впоследствии, исходив ее своими ногами, я понял суровую и своеобразную красоту этого края.

Проходит час, второй — самолет летит к Полярному кругу. Вот пересекаем и его. И через некоторое время мы на аэродроме Апателхино. Выходим из самолета. Дует холодный ветер. Даже в осеннем пальто холодно. Вся бухта забита льдами. И это в конце июня, в разгар лета!

С моря порывы пронизывающего ветра гонят волны тумана. Вокруг мрачные голые сопки.

2 ТАК ВОТ она какая, Чукотка, думаю я. Разве мог я тогда предполагать, что здесь пройдут 46 лет нашей жизни, что здесь мне вместе с будущими друзьями-геологами посчастливится открыть новую славную страницу в истории этого сурового края?

Итак, я приступаю к обязанностям главного геолога. Пока все наше геологоразведочное управление состоит из четырех партий — двух стационарных и двух сезонных, поисковых. Стационарные разведочные партии тогда именовались разведочными районами. И это на территории свыше трехсот тысяч квадратных километров! На территории, многие участки которой покрыты только миллионной геологической съемкой, а попросту говоря являются «белым пятном».

Деятельность Чаунского райГРУ простиралась тогда от мыса Шмидта на востоке до Колымы на западе, включая и весь огромный Билибинский район, впоследствии ставший самостоятельным. Было где развернуться геологам! Но разве можно это было сделать тогда без техники, без авиации, без нужных кадров? Великая заслуга чаунских геологов в том, что они были пионерами в освоении Чукотки и честь первооткрывателей всех основных полезных ископаемых ее — олова, золота и ртути — принадлежит им.

Славная эстафета, начатая геологами Главсевморпути (подробно описанная М. И. Рохлиным в книге «Чукотское олово»), успешно продолжена геологами Дальстроя и подхвачена в наши дни геологами Северо-Восточного геологического управления.

Один из этапов эстафеты начался именно в 1949 году. Именно тогда была открыта новая страница истории освоения Чукотки. Нужно было вести и поиски и разведку. Одни разведчики работали на Валькумейском оловорудном месторождении, в 21 километре от Певека. Здесь уже действовал рудник «Валькумей», созданный в тяжелые дни Великой Отечественной войны. Второй разведрайон базировался в 68 километрах от Певека, вблизи прииска «Красноармей-

ский». Он прослеживал оловянную россыпь на речке Пыркакай, которую разрабатывал этот прииск. Прииск, как и рудник, созданный в дни войны, дал немало ценного металла. Таким образом, оба разведрайона вели работы на олово. Олово в то время считали главным полезным ископаемым на Чукотке. Что еще скрывается в ее недрах, было неизвестным. Правда, на востоке Чукотки был найден вольфрам, но и он — на Иультинском месторождении — тесно объединялся с оловом. Да и промышленная ценность его в этих суровых условиях находилась под сомнением. Пока он не добывался.

Кроме разведки, Чаунское райГРУ занималось еще и поисками. Но на огромной территории, по площади превышающей некоторые европейские государства, работали всего две партии. Одна из них под руководством Петра Трофименко искала олово вблизи прииска «Красноармейский». Вторая партия, возглавляемая Василием Алексеевичем Китаевым, вела рекогносцировочную геологическую съемку в бассейне реки Ичувеем. Тяжело было поисковикам. Все лето стояли туманы, не хватало топлива. Жили в брезентовых палатках. Но ничто не могло остановить энтузиастов. Я ценю мужество колымских геологов, особенно первых, пришедших в этот край, — Юрия Александровича Билибина — первооткрывателя колымского золота, его сподвижников — Сергея Дмитриевича Раковского, Валентина Александровича Цареградского и многих-многих других. Но я трижды ценю мужество чукотских геологов, начиная от Сергея Владимировича Обручева, работа которых (даже и теперь) проходит в несравненно более тяжелых условиях и требует еще большего мужества, отваги и упорства.

В тяжелых условиях геологическая съемка и поиски велись своим чередом. Так прошло короткое чукотское лето, хотя его летом можно назвать только с большой натяжкой. Почти каждый день шли дожди. Мрачные голые сопки у Певека редко освобождались от тумана. Холодные волны накатывались на берег.

Наступил сентябрь. Он выдался теплым и солнечным. Начали прибывать пароходы, привезли уголь, которого так не хватало, продукты.

В октябре мы приступили к составлению технических проектов на будущий год. Намечались районы будущих исследований. Где в первую очередь ставить работы, в какой район посылать поисковые партии? Огромная, слабо изученная территория ждала своих исследователей. Только небольшие участки среди безбрежной тундры, словно островки в море, были освещены с геологической точки зрения. Перед нами была огромная, мало изученная земля, расстилавшаяся простором в сотни километров глухой тундры. Приходилось думать не только о том, с какого участка нужно начинать изучение. В первую очередь нужно было думать, как туда добраться. Манил к себе бассейн Анюя, где еще в тридцатых годах Сергей Владимирович Обручев (его именем названа центральная улица в Певеке) нашел золото, подтвердив тем самым блестящий прогноз своего отца, академика Владимира Афанасьевича Обручева, предсказавшего возможность открытия золотоносных россыпей в этом районе. Трудно было в то время развернуть работы на всех участках одновременно. Не хватало техники. Маломощные автомобили, совершенно не приспособленные к чукотским дорогам, и несколько тракторов — вот все, чем тогда располагало управление.

Тянула к себе и знаменитая точка Серпухова на востоке Чукотки, где когда-то известный геолог-полярник Владимир Иванович Серпухов нашел прекрасные образцы с касситеритом. Неменьший, а может, и больший интерес представляли ближайшие места: ведь всего в ста километрах от Певека, там, где кончалась автомобильная дорога, было по существу «белое пятно», лежала «терра инкогнито» — неизвестная земля.

Нужно было решать, как из всей огромной территории выбрать наиболее перспективные участки. Как ни манил неизведанный Анюй, от него пришлось отказаться. Этот оре-

шек был тогда не по зубам. Мы оставили надежду в ближайшее время побывать и на востоке Чукотки.

Прежде всего нужно было провести рекогносцировочные работы, а уже затем, создав мнение о геологических особенностях района, можно было приступать и к целеустремленным поискам. Такие рекогносцировочные работы в бассейне реки Ичувеем вела партия Василия Алексеевича Китаева. Партия Петра Трофименко искала новые объекты для разведки в районе прииска «Красноармейский». Эта партия подтвердила широкие перспективы этого района. Геологи уверенно заявили: нужно проводить дальнейшие разведочные работы, и прииск получит новые запасы металла.

Данные второй партии были очень интересные. Докладывая о результатах летних работ, Василий Алексеевич Китаев, лишь второй год работавший на Севере, встал в тупик. Это было и неудивительно. До приезда на Чукотку он занимался инженерными изысканиями на железнодорожном транспорте. Первый полевой сезон, когда он возглавлял рекогносцировочную партию вблизи мыса Шмидта, продолжался всего полтора месяца. За эти полтора месяца Китаеву пришлось закартировать огромный, совершенно неизученный район. Десятки километров маршрутов по сопкам и рекам проделал неутомимый геолог, и геологическая карта была составлена. И в этой партии на поиски полезных ископаемых времени не хватило. Китаев был твердо уверен лишь в одном — нужно ставить работы на олово. И это было понятно. Чукотка, по всем представлениям в то время, считалась сугубо оловоносным краем. Олово добывали на Валькумее и в Красноармейском, Южном и Куйвиее. Оно встречалось по многим ручьям, в россыпях и рудных месторождениях. Мнение всех специалистов, всех геологов сводилось к одному — главный металл Чукотки — олово. Его и нужно было искать. Поиски других полезных ископаемых не планировались.

Вот почему на Чукотке в то время не было геологов, знающих поиски и разведку месторождений золота, хотя рядом

была золотая Колыма с ее многочисленными опытными «золотарями», которые считали, что на Чукотке им делать нечего. Однако в полевых книжках то одной, то другой партии, в дневниках появлялись упоминания о золоте. Записки были больше порядка ради — нельзя было не упомянуть о золоте, если оно встречалось в шлихах, в кварцевых обломках. Но и в то время в некоторых отчетах писали, что нужно ставить более детальные работы на золото. Еще в 1942 году в Тамнек-вунском районе при разведке оловянной россыпи было встречено золото. Тогда еще молодой геолог (ныне доктор геолого-минералогических наук профессор Герман Борисович Жилинский) обратил внимание на это золото и высоко его оценил, высказав мнение, что Чукотка может стать золотодосным районом.

На западе Чукотки, в нынешнем Билибинском районе, в 1948 году был организован специальный разведочный район — Приколымский. Но шурфовка не обнаружила ни золота, ни олова. И о золоте забыли. Снова всеми овладела гипотеза оловянной Чукотки.

3 ВОТ ПОЧЕМУ растерялся тогда Василий Алексеевич Китаев, докладывая о своих материалах зимой 1949 года. При шлиховом опробовании несколько проб показали повышенное содержание золота. Что это — случайность? Открытие? Или повторение прежних данных, на которые никто не обращал внимания? Что делать дальше?

Такие вопросы требовали ответа. И от этого ответа зависело многое. Если золото, как утверждали все авторитеты, на Чукотке не представляет промышленного интереса, то организация специальных работ по его поискам приведет только к напрасной трате государственных средств. И средств немалых. Даже одна партия стоит десятки тысяч рублей. А для того чтобы дать определенный, уверенный ответ, одной

партии мало. Ну, а если золото всё же на Чукотке есть, если его раньше просто разведывали не в тех местах, где следует? Пусть оно лежит в земле еще многие годы?

Дул холодный северный ветер. На Чукотку надвигалась полярная ночь. Наступила зима. Суровая зима 1949 года. В домах батареи парового отопления грели мало. Часто гас электрический свет, и работать приходилось при свете стеариновых свечей. В геологопоисковом отделе составлялись проекты на 1950 год.

Без возражений была намечена организация партии на олово. Она должна была детализировать участок, выявленный Китаевым, и дать ему определенную оценку. А что делать с золотом? Ставить специальную партию для его поисков или нет? Рисковать государственными средствами или продолжать искать олово, похоронив мечту о благородном металле?

Только что приехав с золотой Колымы, я уже имел опыт поисков и разведки золотых месторождений — и рудных и россыпных. Разведка Дегдеканского рудного месторождения, найденного в результате анализа золота из россыпи, попутная добыча россыпного золота, которой тогда занимались разведчики Дальстроя на Омчаке и на ручье имени Марины Расковой и, наконец, разведка крупнейшего Омчакского золоторудного месторождения — таковы были мои университеты по золоту перед приездом на Чукотку. И теперь, знакомясь с материалами, я обратил внимание на большое сходство в геологическом строении Колымы и Чукотки. Те же горные породы, аналогичная геологическая обстановка. Образцы кварцевых жил, собранные Китаевым, еще более подтверждали эту точку зрения. Наконец, сам характер золота из шлиховых проб как бы говорил: золото надежное, искать его нужно.

В результате больших раздумий и уверенности в геологической правоте, после многих бессонных ночей, когда взвешивали

важась все шансы «за» и «против», появился документ. С него по существу и началась история чукотского золота. Это был рапорт главному геологу Дальстроя Борису Никонovichу Профессу. Один листок машинописного текста (он хранится и сейчас в геофонде Певека) датирован 1 октября 1949 года. Короткие строки: «Полученные данные позволяют утверждать, что в Ичугеевском районе вероятно обнаружение промышленных запасов россыпного золота... Учитывая освоенность района, они быстро могут быть введены в эксплуатацию».

Дальше следовал вывод: нужно организовать специальную партию на золото. Под рапортом стояла моя подпись, но его могли подписать все геологи Чауна. Вопрос о том, есть ли золото на Чукотке, уже не ставился под сомнение. Этот вывод и доказательства, приведенные в подтверждение его, дали возможность Василию Алексеевичу Китаеву теперь не колебаться, не раздумывать, а писать в отчете прямо: золото нужно искать. Так был сделан им первый шаг от геолога-реконструктора, знающего только горные породы, к геологу-поисковику — открывателю полезных ископаемых. Первый шаг на тропе искателя подземных кладов, по которой он сейчас, много лет спустя, шагает уверенно в Анадырской экспедиции.

Вскоре мой рапорт вернулся из Магадана. Идея о возможности и вероятности обнаружения золота на Чукотке получила право на жизнь. Составленный нами вслед за этим проект предусматривал проведение более детальных работ на обширной, слабо изученной территории. Почти весь бассейн реки Ичугеев охватывался поисками. Были намечены две партии. Одна из них — на золото. Таких партий Чукотка еще не знала. Перед этой партией ставилась задача — практически подтвердить идею о возможности нахождения промышленных россыпей золота. Задача была трудная и ответственная, и не всякий геолог рисковал браться за ее решение. Даже сам Китаев, имевший возможность возглавить любую из этих двух

партий, остановил свой выбор на оловянной партии. Золото до сих пор казалось «журавлем в небе».

Начальником поисковой партии на золото был назначен молодой инженер Юрий Храмченко. Как выяснилось впоследствии, он не очень любил свою профессию и к работе относился с прохладцей. Всю тяжесть нелегкого труда геологов несли его прорабы — поисковики Алеша Власенко и Генрих Гурьев.

Организуя работы в Ичугеевском районе, мы задумались: а нет ли на нашей территории других районов, заслуживающих внимания?! Тогда взоры обратились на запад. Геолог Серафим Иванович Красников — начальник геологопоискового отдела управления вспомнил свою работу в бассейне реки Баранихи. Эта река, начинающаяся с Анюйского хребта, несет свои быстрые воды на север, заканчивая стремительный бег в болотистой тундре на берегу Восточно-Сибирского моря. В среднем ее течении, в речных отложениях двух притоков геологи еще раньше встречали золото. Нужно и здесь искать, решили мы, детально ознакомившись с отчетами своих предшественников. Эти выводы легли в основу проекта еще одной партии.

Поход за золотом начинался сразу в двух направлениях. Загадкой оставался только восток нашей территории. По всем схемам, утвердившимся в сознании, он представлялся как сугубо оловянный район. Есть ли там золото — пока никто не знал.

В декабре я вылетел в Магадан. Предстояло защищать проекты на 1950 год. После согласования в отделах геолого-разведочного управления Дальстроя нужно было докладывать на заседании технического совета. Наконец наступил день защиты. Пришлось немало поволноваться. Наше намерение ставить специальные работы на золото особого энтузиазма у членов техсовета не вызвало. Многих все еще одолевало сомнение. И только после длительного обсуждения запроектованные нами партии все же были утверждены. Нас под-

держали главный геолог Борис Никенович Ерофеев, поверивший в нашу правоту, и Виктор Тихонович Матвеев, руководивший в то время всеми геологопоисковыми работами.

С бодрым настроением я возвращался в Певек. Наша идея о золоте Чукотки получила путевку в жизнь! Правда, — мы это ясно сознавали, — предстоит еще немало потрудиться, чтобы выдвинутую идею оправдать фактами. Но теперь все было в наших руках, а мы были настроены оптимистично.

В то же время все понимали, что нужно усиленно готовиться к предстоящему полевому сезону. И такая подготовка началась. Еще раз анализировались данные Китаева, изучалось золото из шлиховых проб, сравнивалось с колымским. Вновь были подняты отчеты геологов, работавших в этих районах. Намечались первоочередные участки работ, разрабатывалась методика будущих исследований. Я делился своим опытом, приобретенным на Колыме, рассказывал об успехах и неудачах при поисках и разведке золота — этого капризного металла. Разведчики Колымы хорошо знают, сколько труда необходимо затратить, чтобы найти месторождение. Но ведь на Колыме были опытные разведчики, люди, принесшие сюда богатый опыт работ на Алдане, перенявшие его от своих знаменитых учителей — Билибина, Цареградского, Раковского. На Чукотке таких людей не было. Здесь все искали только олово.

Геологам, которые весной отправятся в поиски, предстояло изучить многое. Без этого нельзя было надеяться на успех. Самое же главное — нужно было заразиться убежденностью, что металл будет найден.

Всю зиму готовились геологи. Наконец наступила весна. И хотя еще стояли морозы, бушевала пурга, но солнце уже сияло над горизонтом. Полярная ночь сменилась полярным днем. Геологи уходили в поле. Что принесет лето? Означается ли оно открытием?

4 ИТАК, ранней весной 1950 года в дальний путь отправились две поисковые партии — одна на восток, вторая на запад. В одной из них, возглавляемой Храмченко, отправился в поход прораб-поисковик Алексей Власенко. Именно он, работая прежде с Китаевым, отобрал первые пробы с золотом. Теперь ему было интересно узнать, «раскрутятся» ли (как говорят геологи) это золото, будут ли найдены россыпи? И вот среди кустарников в долине Ичuweема забелели палатки. Многочисленные стаи непуганых куропаток мирно уживались с геологами. Так начался полевой сезон памятного года, который вошел в историю Чукотки как год открытия золота.

Шли дни. Гремели взрывы в шурфах на Среднем Ичuweеме и Каатыре, где была база партии. Геологи упорно искали драгоценный металл. Промыли пробы из нескольких шурфов. Первые результаты радовали мало. Хотя золото и встречалось, но содержание его было низкое. Неужели ничего не найдем? Эта мысль волновала геологов. Вся надежда оставалась на лето. Промывка шлиховых проб и оставшихся проходок должна была дать окончательный ответ.

В начале августа 1950 года по широкой долине Ичuweема шагали четыре человека. В резиновых сапогах, телогрейках, с рюкзаками за спиной и геологическими молотками в руках люди брели уже второй день. Это была наша небольшая группа, которую вел Василий Алексеевич Китаев, хорошо знающий местность. Он работал здесь в прошлом году. Нам троим — начальнику геологопоискового отдела Серафиму Ивановичу Красникову, старшему геологу Восточного разведочного района Федору Алексеевичу Свентицкому и мне, ставшему начальником управления, — необходимо было на месте тщательно ознакомиться с работой партии Китаева и полученными ею результатами. Геологи обнаружили высокое содержание касситерита (оловянного камня) в шлиховых пробах. Значит, и оловянная россыпь будет найдена. На одной из сопок вблизи ручья Юбилейного партия вскрыла канавами

несколько жил с крупным касситеритом. Черные кристаллы его, словно корочки, покрывали белую кварцевую жилу с обеих сторон. Наметив план дальнейших работ и захватив с собой образцы, мы двинулись к главной цели нашего маршрута — в партию Храмченко. С нами пошел Китаев, заинтересовавшийся судьбой золота, открытого в прошлом году.

Второй день мы шагаем по безлюдной тундре. Сначала по сопкам идти было легко, но вскоре мы спустились в долину Ичувеема. По берегу этой извилистой, сильно меандрирующей реки пробирались мы, преодолевая болота, переходя мелкие ручьи, спотыкаясь о крупные заросшие травой кочки. Тяжелой была дорога. Вчерашний солнечный день сменился дождливым. По небу неслись темные, словно свинцовые тучи. Вершины сопок покрылись сплошным туманом, медленно спускавшимся по склонам вниз. От быстрой ходьбы и тяжелой дороги становилось жарко, пот заливал лицо. Вместе с тем холодный, пронизывающий ветер не давал возможности долго отдыхать. Все устали и еле передвигали ноги. Вспоминалась прошедшая ночь. Промокшие, под дождем, мы ночевали в холодной палатке на берегу ручья Клыкового. В устье этого ручья, поросшего кустарником, разложили костер. Быстро вскипятили чай и, обжигая губы, пили его из эмалированных кружек, не обращая внимания на полчища комаров, свирепствовавших после дождя. Погода не улучшалась, хотя дождь перестал. Мрачно выглядела тундра. Все живое попряталось, и только слышно было журчание ручья. Проснулись рано утром от холода. Все кругом было мокрое: ночью снова шел дождь. Вода в ручье прибыла и стала мутной. Кое-как умылись, дрожа от холода, согрели чай на примусе и, подкрепившись консервами, разогретыми на костре, двинулись в путь. Постепенно погода начала улучшаться. Усилившийся ветер разогнал тучи. Над тундрой засияло солнце, и она ожила. Стали часто попадаться куропатки, из кустов вылетали потревоженные шумом мелкие птички. На озерах, встречавшихся на пути, плавали утки. Увидя нас, они или

улетали или ныряли, чтобы появиться в другом конце озера. К вечеру мы добрались до палаток партии, стоявших в трех километрах от устья ручья Каатырь — там, где теперь поселок прииска. Навстречу нам вышел начальник партии — геолог Юрий Петрович Храмченко.

Храмченко был очень рад нашему приходу. Рассказал, что шурфы, пройденные на Каатыре и в нижнем течении речки Средний Ичувеем, положительных результатов не дали. Были встречены лишь мелкие золотинки, или, как говорят геологи, знаки золота. Вместе с тем он сообщил и приятную новость. За перевалом, в небольшом ручье, названном Беспокойным, в шлиховых пробах встречено хорошее золото. Попадаются даже мелкие самородки. Эта весть обрадовала всех. Настроение было приподнятое. Долго обсуждали работу партии, делились своими мнениями и спать улеглись только на рассвете.

В палатке было холодно. Начались уже заморозки. Железная печь не успевала ее нагревать. Спасали только спальные мешки из оленьих шкур, в которые все забрались с большим удовольствием. Проснувшись утром, обнаружили, что Китаев и Храмченко исчезли. Рабочий рассказал, что оба начальника, стараясь доказать друг другу свою правоту, решили завершить спор на месте и отправились на обнажение. Вот что значит постоять за науку. Пришлось их ждать. Вскоре они вернулись, но... в глубине души каждый оставался при своем мнении. Как говорится, «нашла коса на камень». После завтрака и неизменного чая мы все двинулись на Беспокойный. Дойдя до верховьев Каатыря, поднялись на хребет и по нему начали спускаться в долину ручья. Вдруг мы увидели спешившего нам навстречу человека. Когда он подошел, запыхавшись от быстрой ходьбы, мы узнали, что по ручью с утра ходит медведица с медвежонком. Как опытный поисковик, она заглядывает в каждый распадок, очевидно, в поисках пищи, а затем, дойдя до верховьев, возвращается назад и шагает по ручью до нового распадка. Мы ускорили шаг,

но непрошеную гостью уже не застали. Рабочие рассказали, что незадолго до нашего прихода она ушла за перевал. Очевидно, Беспокойный ей не понравился. Да и нам он не очень нравился. Укаяя долина, слабо разработанная, не внушала надежд на крупную россыпь. Так и оказалось впоследствии.

На берегу ручья, в двух небольших палатках разместились поисковый отряд. Нас встретил прораб-поисковик Алексей Власенко — Алеша, как мы все его любовно называли. Невысокого роста, уже немолодой, он рассказал о работе отряда. Обогнав нас на подъеме, когда мы отдыхали, он уже успел перебраться несколькими словами с рабочими и промывальщиками своего отряда и узнать у них последние новости. С жаром начал нам их выкладывать. В его словах, словах опытного тундровика, вкладывавшего все свое умение, душу в порученное дело, звучала радость открытия. Он сразу же взял лоток и повел нас на те места, где были богатые пробы. Заволновались и мы: ведь предстояло своими глазами увидеть первое, настоящее чукотское золото!

Набрав лоток породы, Алеша стал промывать. Мы окружили его тесным кольцом. Каждому хотелось поскорее увидеть золото. Ловко управляясь с лотком, Алеша Власенко быстро удалял пустую породу. Вода смывала ее. Прошло немного времени, и на дне деревянного лотка мы увидели желтые блестки. Среди них попался и маленький самородочек, весом в несколько граммов. Промыли еще несколько лотков породы, взятой из разных мест, и всюду было золото. Радость охватила всех нас. Значит, мы не ошиблись в своих прогнозах — золото на Чукотке есть!

На следующий день мы наскоро соорудили небольшую кустарную проходнуюшку и промыли на ней около кубометра породы. Работали все: хотелось еще раз убедиться, что золото действительно стоящее. Вскоре дно проходнойшки оказалось усеяно мелкими самородками, не говоря уже об обычных крупинках металла. Решили тщательно опробовать и другие ближние ручьи.

Простившись с поисковиками и пожелав им удачи, мы вернулись на базу партии. Здесь еще раз просмотрели все геологические материалы, уточнили план дальнейших работ. На следующий день утром двинулись в обратный путь.

Назад возвращаться было легче. Радость открытия прибавляла сил. Незаметно проходило время в пути. День был солнечный, и вся тундра выглядела празднично. Вокруг виднелись сопки, покрытые голубой дымкой. Внизу вдали извивался Ичувеем, блестящий на солнце. Поднявшись на одну из сопок, мы увидели устье Млелювеема, терявшееся в туманной дали. Значит, скоро конец нашего пути. Мы прибавили шагу.

Скоро спустились с сопок и в два часа ночи подошли к реке. На другом ее берегу хорошо были видны строения прииска «Южного». Начали искать место для переправы. После прошедших дождей река вздулась и вышла из берегов.

Темная августовская ночь еще более затрудняла переправу. Выбрав подходящее место, начали переходить реку вброд. Благополучно перебравшись на другой берег, прямо на гальке разложили костер из плавника и стали сушить насквозь промокшую одежду.

Через некоторое время из партии сообщили, что наши прогнозы оправдались. Помимо ручья Беспокойного, золото было обнаружено и на соседнем ручье Надежном. Золотосодержащей оказалась и речка, в которую впадают эти ручьи. Так золотосодержащий район, как мы и предполагали, расширился на восток.

Пришел сентябрь. Обе партии вернулись с хорошими результатами. Кстати, Василий Алексеевич Китаев обнаружил еще несколько жил с касситеритом. Это подтверждало необходимость поисков и разведки оловянных россыпей, что и было осуществлено впоследствии. Хорошая россыпь олова дала немало ценного металла государству. Геологи из партии Храмченко, сдержав свое слово, намыли около килограмма золота. После детального изучения и описания оно было на-

правлено в Магадан в золотоприемную кассу. Это был первый килограмм чукотского золота, исток того золотого ручья, который вот уже который год течет в казну государства.

Осенью 1950 года стало ясно: наши прогнозы о наличии золотых россыпей на Чукотке оправдались. Какие они будут — крупные или мелкие, какова их характеристика, — это еще предстояло узнать. Нужны были дополнительные работы, и теперь уже не только поисковые, но и разведочные. Мы представляли себе все предстоящие трудности, знали что еще немало придется потрудиться, пока возникнет первый чукотский прииск. Но мы были уверены — этот прииск будет.

5 БЫЛА уже поздняя северная осень. Землю сковал мороз. Шел снег. В холодных волнах Чаунской губы плавали льдины. Заканчивалась навигация — последние корабли спешили разгрузиться и уйти из Певека, чтобы не застрять во льдах и не остаться на зимовку. В управлении было тревожно. Волновались за судьбу партии Пучкова, ушедшей весной на запад на Бараниху. Хотелось не только скорее узнать результаты поисков в этом районе, но беспокоило главное: что с людьми? Почему молчат, не появляются так долго?

А там события шли своим чередом. В эти глухие места добраться было трудно. Сама Бараниха (названная так русскими из-за горных баранов, водящихся в неприступных крутых скалах в ее верховьях) — река капризная и своенравная. Омуты, водовороты, быстрое течение. На ее берега часто забредают с Анюя лесные красавцы — лоси. В прибрежных тальниках находят себе пристанище стаи куропаток. Привольно здесь рыбе и зверю. Дикие, нехоженные места. Первозданная красота. Такими тогда были эти районы. И когда ранней весной 1950 года сюда направилась поисковая партия, ей пришлось преодолеть немало трудностей.

На трех стареньких, выдавших виды тракторах ей предстояло пройти длинный двухсотпятидесятикилометровый тяжелый путь. Нужно было, преодолев несколько больших перевалов, занесенных глубоким снегом, добраться к одному из правых притоков Баранихи — мало кому известной речки Кенейвеем. В этом бассейне в свое время партия геолога Красникова обнаружила золото. Сейчас партию возглавлял бывший фронтовик Фома Сидорович Пучков, уже немолодой геолог, работавший на Севере еще в довоенные годы.

Медленно, но упорно партия продвигалась вперед. Два трактора, пытаясь от натуги, тянули тяжело груженные сани с продовольствием и полевым снаряжением, третий вез бочки с горючим. Не выдерживала техника, ломались тракторы и сани, их ремонтировали в пути, но люди не сдавались.

Наконец длинная и трудная дорога кончилась. Впереди, хорошо просматриваемая с перевала, лежала заветная цель путешествия — заснеженная долина речки Кенейвеем. Какие богатства она таит? Есть ли тут промышленное золото или данные Красникова случайны?

Разгрузив тракторы, быстро построили базу. На белом снегу, искрившемся тысячами блестящих на солнце снежинок, словно из-под земли возвышались зеленые брезентовые палатки, задымили трубы печей. В дикий уголок тундры пришла жизнь. Уже через день, едва геологи немного отдохнули с дороги, раздались взрывы, в воздух полетели комья земли — началась шурфовка. Потекла обычная жизнь сезонной партии. Днем работали, вечером, сидя в теплых палатках, у горячей печки, вели беседы. С каждым днем становилось все теплее. Стаи непуганых куропаток прилетали прямо к палаткам. Их не пугали даже взрывы, которые учащались с каждым днем. Мелко семеня лапками, они быстро перебежали с места на место, на ходу ошипывая показавшийся из-под снега кустарник.

Первые результаты начавшейся вскоре промывки шурфов были неутешительными. В шурфах попадались только знаки

золота. Но вскоре в лотках появились крупинки желтого металла. Золото пошло! Обрадовались люди, заработали веселее, однако радость сменялась разочарованием: золото шло очень неравномерно. Может, россыпь лежит где-то в стороне? Может, шурфы пройдены не в тех местах, где следовало?

Ответ на эти вопросы могли дать только дальнейшие работы. Но уже кончилась чукотская весна, с каждым днем работать становилось труднее, и шурфовка была прекращена.

Наступило лето. Геологи на маршрутах излазили каждый метр земли. Часто находили обломки кварцевых жил. Промывка проб из них давала золото, но общие результаты не радовали. Осенью, не желая возвращаться в управление с пустыми руками, Фома Сидорович и его товарищи, как могли, затянули работы. Каждый, неисследованный участок был детально проверен, но золота так и не нашли. Капризный металл не давался легко в руки. Хотя в шурфах по ручью Ветка его содержание достигало промышленного, поисковая линия, заданная по речке Кенейвеем, где ожидалась основная россыпь, давала только знаки. Правда, и по этой линии отдельные проходки показали высокое содержание золота. Как оказалось впоследствии, эта линия не дошла до россыпи всего каких-нибудь сто метров! Сто метров тогда отделяли геологов от золотого клада, таившегося в долине этой речки. Отделили на долгие годы.

Снова сказалось существовавшее тогда недоверие к чукотскому золоту, его недооценка даже со стороны опытных магаданских геологов. Именно поэтому указанием геологоразведочного управления Дальстроя в три раза был уменьшен объем шурфовки против предусмотренного нами для партии Пучкова. И партия не могла обнаружить россыпи!

Наступили холода, речки и ручьи покрылись льдом, окаменела земля, кончились продукты. Пришлось возвращаться домой. Надежды не оправдались, а впереди предстоял долгий 250-километровый путь, казавшийся еще тяжелее, чем весною.

Оставив основное оборудование, снаряжение и коллекции до зимы, когда можно будет вывезти все это на оленьих нартах, взяв только геологическую документацию и самые необходимые образцы, партия двинулась к Певеку. Шли пешком. С трудом взбирались на сопки, где дул пронизывающий ветер. Ночевали на голой земле, разводя небольшие костры, так как кустарник встречался далеко не везде. Кружка горячего кипятку да несколько галет — таков был скудный рацион. Люди выбивались из сил. Еще раз с неумолимой жестокостью дал себя знать суровый закон Севера: с тундрой не шутят! Сколько экспедиций из-за плохой подготовки или непродуманных решений терпели в прошлом нечеловеческие лишения, а нередко и погибали.

Люди находились под угрозой гибели. Самолеты в те годы обслуживали только полярников. Желая нам помочь, полярники послали на разведку один самолет, но плохая погода помешала ему обнаружить терпящую бедствие партию. Тракторы пройти не могли, вездеходов не было и в помине. Людям приходилось полагаться только на собственные силы. С каждым днем идти становилось тяжелее. Едва передвигая ноги, когда смертельно хотелось сесть и не двигаться (будь что будет!), люди стремились к морю.

Наконец, на седьмой день партия вышла на побережье. Перед измученными людьми расстилалось безбрежное холодное море, где уже плавали льдины. А там вдаль, за горизонтом, был Певек, жилье, тепло. Но как туда попасть?

Геологи надеялись, что за ними скоро придет катер. Они не знали, что катер уже однажды приходил, но Пучков к этому времени не вывел партию к морю. Его чрезмерное увлечение работой могло обойтись очень дорого! Партия была на волосок от гибели.

Тревога царил в управлении. Наступила уже зима, люди могли погибнуть от холода и голода. Невзирая на огромный риск — бухта вот-вот должна была замерзнуть, — мы решили снова послать катер к назначенному месту. Лавируя между

льдинами, с большим трудом пробираясь вперед, он ушел на запад, а через четыре дня, 23 сентября, вернулся с долгожданными товарищами!

Но катер привез не всех. Сам начальник партии Пучков с четырьмя рабочими вышел пешком в поселок Чауна, расположенный в 120 километрах от базы, и оттуда на собачьих нартах в начале ноября прибыл в Певек. Конечно, за свое легкомыслие и грубейшее нарушение правил техники безопасности он получил, как говорится, сполна. Но и обрадовал нас результатами работ. Данные Пучкова свидетельствовали, что и здесь, на западе нашей территории, золото есть. Когда рассмотрели на техническом совете собранные материалы, стало ясно, что район очень перспективен. Здесь должно было быть большое золото. Его просто по ряду причин сейчас найти не удалось.

К сожалению, текущие заботы не давали возможности вернуться к этому району на следующий же год. У молодого геологического управления не хватало сил, техники, кадров. Учитывая труднодоступность района, было решено дальнейшие детальные исследования здесь пока не производить. Этот объект перешел в резерв, и к нему нам удалось вернуться только через 6 лет.

Сейчас же все наши взоры обратились к ичувеемскому золоту.

Нужно было переходить к новому этапу исследований — разведочным работам.

6 ЗОЛОТО, обнаруженное на Ичувееме, нужно было разведать. Ведь шпиховое опробование не давало ответа о характере россыпи — каковы ее границы, на какой глубине оно залегает, мощный ли металлоносный пласт, какое в нем содержание металла. На все эти вопросы должна была ответить разведка.

Наибольший интерес представлял по полевым данным ручей Надежный. С него и начали разведку. Уже поздней осенью, как только стали известны результаты работы партии Храмченко, ее последние данные, был организован разведочный участок. В устье Надежного, на высокой террасе речки Ватапваам, выросли утепленные палатки. Преодолевая полное бездорожье, на тракторах приехали первые разведчики. Началась работа.

Наступила трудная чукотская зима. Пурга бушевала над просторами тундры. В глубоком снегу утопали палатки. Тракторы, доставлявшие грузы с перевалочной базы, с трудом пробивались к разведчикам. Приехал старый колымский разведчик Александр Петрович Холодов. Вместе с Федором Алексеевичем Свентицким, давно уже работавшем на Чукотке, они организовали проходку первых шурфов, первых поисковых линий. Безмолвие тундры огласилось взрывами. В короткие зимние дни, быстро сменявшиеся сумерками и полярной ночью, разведчики долбили непокорную землю. С каждым метром пройденных шурфов люди приближались к открытию.

Кончилась зима. Пришла весна, и хотя по вечерам еще стояли морозы, но днем уже таяло. Солнце пригревало землю, веселее пошла шурфовка.

В мае уже началась промывка, но первые ее результаты принесли разочарование: в шурфах встречались только знаки золота. Только значительно позже стали появляться весовые пробы. Постепенно стал вырисовываться контур россыпи, разведка подтвердила ее промышленное значение. Первая промышленная россыпь золота на Чукотке найдена! А летом 1951 года произошло еще одно открытие. Обработывая ранее полевые материалы партии Храмченко, изучая полученные ею данные, анализируя их, мы пришли к выводу, что нужно продолжить поиски золота. И искать его следует рядом с исследованным районом. Если золото найдено в ручье Надежном, оно может быть обнаружено и в соседних ручьях,

впадающих в реку Ватапваам ниже по течению. Если россыпь обнаружена по Надежному, то вполне вероятно, что она может быть встречена и в соседней речке, начинающейся с одного водораздела с Надежным. А этой речкой был Средний Ичугеом.

Правда, в прошлом году Храмченко опробовал ее в нижнем течении и даже прошел там шурфы, давшие отрицательные результаты. Но нас это не смутило. Мы знали, что при разведке золота всякое бывает и первые шурфы не всегда вскрывают россыпь. Вполне возможно, что россыпь залегает выше по течению. Исходя из этого и других геологических предположений, была организована новая поисковая партия. Руководимая тем же Храмченко, она весной выехала в поле.

Наступило лето, холодное и дождливое. В один из июльских дней я прибыл на Надежный. За это время появился поселок: рядом с палатками стояли каркасно-засыпные дома. Ознакомившись с результатами промывки, я отправился к Храмченко, в верховья Среднего Ичугеома. Вед меня прораб-поисковик Генрих Гурьев. Он возбужденно рассказал мне о том, что на ручье Богатом были встречены самородки золота. Замечательные пробы дал и Средний Ичугеом.

В это время на месте перевалбазы у прииска «Южный», куда мы августовской ночью 1950 года пришли от Храмченко, уже был построен поселок разведчиков. Отсюда, с базы Восточного разведрайона, велось дальнейшее наступление на чукотскую землю. И здесь я снова встретился с Дмитрием Павловичем Асеевым. Прошло 11 лет с того памятного военного года, когда я впервые его увидел в Омчакской долине, на Колыме. Теперь он руководил разведкой и олова и золота. На «Юбилейном» шла разведка оловоносной россыпи, открытой Китаевым. Иван Кириллович Чмиль — черноглазый украинец, прораб разведки — с утра до поздней ночи лазил по шурфам, обучая рабочих, многие из которых их впервые видели. Ему помогали молодые техники, недавно прибывшие на Чукотку, — Женя Дубинин, Федя Голубь.

Весной, когда с сопок побежали ручьи и солнце обогрело холодную землю, началась промывка. Теперь пришлось волноваться старшему геологу Федору Алексеевичу Свентицкому. Промывка должна была дать ответ о характере россыпи. Может, зря мучались люди зимой, проходя шурфы, может, напрасны были их усилия? Сейчас еще раз проверялись наши гипотезы и геологическая зрелость.

На «Юбилейном» была обнаружена богатая оловянная россыпь. Золотая россыпь была вскрыта на Среднем Ичугеоме. Особенно высокое содержание металла показали шурфы, пройденные в тех местах, где когда-то Гурьев брал первые пробы. Хорошие данные принесла и разведка Надежного, где было открыто промышленное золото.

Разведка продолжалась. На правом берегу Ичугеома возник новый поселок. Теперь разведка направлялась отсюда. По геологическим предположениям, золото могло быть и в других правых притоках Ичугеома. Да и сама долина Ичугеома представляла большой интерес. Каждый ручей, начинающийся с ичугеомской гряды, мог таить в себе богатства. Вскоре взрывы загрели и здесь, вспугивая огромные стаи белых куропаток, в изобилии водившихся в этих глухих краях.

Работы продолжались и в мрачные зимние дни. Налетала пурга, заметала шурфы, сравнивая их с окружающей снежной тундрой, и разведчики все начинали сначала. Каждый метр давался с большим трудом. Много загадок возникало в эти дни. Кроме Среднего Ичугеома, во всех остальных ручьях золота не оказалось. В шурфах встречалось только непромышленное его содержание. В долине Ичугеома лишь кое-где «золотило», и то слабо. В чем дело?

Началась промывка. Дымились печи на промывалках, и черный, густой дым расстилался по долине. Промывальщики зорко всматривались в каждый лоток породы — не блеснет ли где золотишко, разглядывали каждую подозрительную галечку, а «настоящего» золота не было. Нервничал старший геолог Валентин Викторович Плотников.

Так шла разведка — день за днем, месяц за месяцем. Радость, когда попадалось хорошее золото, сменялась разочарованием, когда его не было. Только со Среднего Ичувеема по-прежнему поступали хорошие вести. Там почти в каждом шурфе было золото. Но этого все-таки было недостаточно для опровержения укоренившегося мнения, что Чукотка — район только оловоносный.

Юрий Александрович Билибин, открывший колымский золотоносный район, блестяще оценивший его перспективы, на Чукотке не был и о ней в своих работах не упоминал. Сергей Сергеевич Смирнов и Валентин Александрович Цареградский — прекрасные знатоки Северо-Востока, его природных богатств — Чукотку оценивали только как крупнейший оловоносный район. И это было понятно. О золоте тогда почти ничего не знали.

Даже Герман Борисович Жилинский, первый из чукотских геологов давший смелый прогноз о золоте, не располагал достаточными доказательствами. Обнаруженное им золото в оловянной россыпи, которое при разведке оказалось в невысоких концентрациях, еще более утвердило мнение, что золото на Чукотке случайный элемент. Кстати, как показали дальнейшие исследования, почти все оловянные россыпи Чукотки содержат небольшое количество золота, которое не представляет практического интереса. Вот почему так долго не могли поверить, что наше открытие не случайность, не просто единичная находка, пусть даже и промышленной россыпи.

Все эти годы, начиная с 1950-го, шла упорная борьба за чукотское золото. Мы с трудом добивались ассигнований на поиски и разведку, объемы работ на золото утверждались мизерными. А время шло. Мы все больше убеждались, что стоим на правильном пути.

Прошло еще два года. Основная разведка Среднего Ичувеема шла к концу. Теперь мы уже смогли говорить не только о наличии золота, но и подсчитать его запасы. Валентин Вик-

торович Плотников, Федя Голубь, молодой техник Зоя Рябова, весь геологический персонал партии начал эту работу. А в управлении Федор Алексеевич Свентицкий и главный геолог Федор Митрофанович Швец-Шуст — один из первых разведчиков олова на Чукотке, работавший здесь еще в военные годы, подводили окончательные итоги. Еще раз анализировались все материалы, проверялась каждая цифра. Мы готовились защищать запасы первого чукотского золота в государственной комиссии по запасам — самой высшей инстанции. Решение этой комиссии утвердило наши запасы и с хорошей оценкой! Это была большая победа — победа поисковиков и разведчиков, успех всех чаунских геологов.

7 ТЕПЕРЬ дело было за горняками. От них сейчас зависело, когда золото начнет поступать государству, когда начнется эксплуатация и запасы из недр перейдут в сейфы банка. А горняки не торопились. Они все еще сомневались, будет ли выгодно добывать этот металл здесь, где нет дорог, нет электроэнергии? Такие и многие другие сомнения высказывал начальник горного управления Юрий Иванович Качуро. Пришлось начинать еще одно сражение, продолжать битву за чукотское золото. Не один раз на любых совещаниях — в горном управлении, в райкоме партии я и Федор Семенович Лавренюк, геолог-эксплуатационник, ратовали за быстрее начало золотодобычи.

Два года мы бились за это, два года доказывали необходимость быстрее открыть путь золоту из Заполярья. Нас поддерживал заместитель председателя Магаданского совнархоза Валентин Платонович Березин. Человек большой культуры, талантливый инженер и организатор, он оценил значение нашего открытия.

Весной 1957 года, когда в тундре еще окончательно не сошел снег, группа горняков, по указанию Березина, отпра-

выдась на Средний Ичуедем. Заместитель начальника Чаун-Чукотского горного управления Григорий Матвеевич Тараев (ставший впоследствии первым начальником первого золотоносного прииска на Чукотке), Лаврентий Михайлович Муляр — начальник прииска «Красноармейский», Александр Александрович Шорохов, возглавлявший прииск «Южный», и я на автомашинах добрались до базы Ичуедемской геологоразведочной партии. Забрав начальника партии — Ивана Кирилловича Чмиля и еще раз детально ознакомившись с материалами разведки, мы на тракторе поехали выбирать место для прииска. Чем дальше двигались по Среднему Ичуедему, тем становилось все холоднее и холоднее. Удивительный был контраст. На Ичуедеме уже стояла весна. Под теплыми лучами солнца кругом расстилалась обнаженная тундра, а здесь была еще настоящая зима. Долина забита снегом, дует холодный пронизывающий ветер. Добравшись до вершины речки, туда, где когда-то мы начинали шурфовку и ставили первые разведочные палатки, осмотрев всю долину, наместили место будущего прииска. Первого золотого прииска Чукотки!

Летом этого же года сюда пришли бульдозеры. Они разрушили многовековое покрывало тундры — вскрывали торфа, сантиметр за сантиметром добираясь до подземных кладов, обнаруженных разведчиками. В неудобной, глухой долине, где еще недавно бродили только бурые медведи, начиналась новая жизнь.

8 НАСТУПИЛА ЗИМА. Снова забушевала пурга. Но она не могла остановить жизнь. На штурм чукотской тундры, за ее богатствами вышли комсомольцы. Посланцы Ленинского комсомола, прибывшие со всех концов нашей необъятной Родины, они показали чудеса героизма. В темную полярную ночь, в пургу и морозы они прокладывали

линию электропередачи, строили автодорогу к новому прииску, названному в честь их «Комсомольским».

Летом 1958 года первенец золотой промышленности Чукотки начал давать золото. С тех пор из года в год росла добыча. Прииск дал родине уже много драгоценного металла. Золотые урожаи «Комсомольского» в корне изменили отношение горняков к чукотскому золоту. Теперь в него поверили многие. Но не все. Оставались еще и сомневающиеся. Предстояли дальнейшие бои. Но теперь мы были не одни. К нам присоединились анюйские геологи.

Большая и славная история открытия и освоения анюйского золота еще ждет своего подробного описания. Наши работы, открытия, опыт вселяли в анюйских геологов уверенность в том, что и на западе Чукотки могут быть найдены золотые россыпи. И они были найдены.

Через два года после разведки ичуедемского золота, в 1956 году, в долине реки Кебереем, где тогда еще можно было застать россомах, истощно завывающих у самых стен барачных разведчиков, была открыта первая промышленная россыпь. Этот район впоследствии получил имя первооткрывателя колымского золота Юрия Александровича Билибина. Обнаружил ее Дмитрий Федосеевич Егоров — ныне лауреат Ленинской премии.

И в тот памятный год, когда с «Комсомольского» стало поступать золото, весной из Певека в пятисоткилометровый путь вышла тракторная колонна на далекий Анюй. Ее маршрут лежал через замерзшие реки и снежные перевалы, через верховья Баранихи, где уже существовал поселок разведчиков, к другому далекому поселку, поселку анюйских геологов — Билибино. Здесь закладывали второй золотой прииск Чукотки. Вел эту колонну геолог Чаун-Чукотского горного управления (впоследствии главный геолог Билибинского горного управления) Юрий Смеян. Через год и этот прииск начал давать металл. Теперь это один из крупнейших приисков Северо-Востока.

9 НА СРЕДНЕМ Ичуеeme вовсю шла добыча. А мы вели поиски уже на новых объектах. Снова неудачи и снова открытия. Несколько раз начинали шурфовку на притоках. Разочарования сменялись надеждами. Наконец, на Быстром «зацепились» за золото. Предположения о наличии россыпей в притоках начали оправдываться. Скоро на «Быстром» горняки уже нарезали шахты — начиналась эксплуатация новой богатой россыпи. На высокой террасе возник поселок. Он был еще одним ориентиром в безлюдной тундре; и свет его далеко был виден путникам в осенние туманные вечера и в полярную ночь.

Еще одна россыпь была обнаружена в «Становом», против поселка разведчиков. На очереди — долина Ичуеема. Неужели здесь нет россыпи? — думали мы. Она должна быть! Может быть, менее богатая, чем в притоках, но должна быть. Бедь не случайно здесь попадаются отдельные шурфы с повышенным содержанием золота. И мы решили начать планомерную разведку широкой долины Ичуеема — реки, начинающейся в далеких горах и заканчивающей свой стокилометровый бег в болотистой тундре, в Чаунской губе.

Поздней осенью 1954 года, когда первый снег тонким слоем уже покрыл подмерзшую землю, я с Феликсом Максимовичем Сикорским — начальником геологоразведочного отдела нашего управления, старым колымским разведчиком золотых россыпей поехали намечать поисковые линии. Широкая долина, отсутствие четких увалов требовали особой осторожности при выборе мест их заложения. Ведь проходка каждой линии с десятками шурфов, многие из которых предполагались глубокими, требовала огромного труда и времени. И только весной, когда началась промывка, получили радостную весть — обнаружено промышленное золото. Мы оказались правы. Значит, и на Ичуееме есть промышленная россыпь. Теперь работы пошли увереннее, но очень медленно. Весной 1957 года к нам приехали начальник Северо-Восточного геологического управления — Борис Богдасарович Еван-

гулов и главный геолог Николай Петрович Аникеев. Побывав на Ичуееме вместе с заместителем начальника горного управления по геологоразведке Дмитрием Ивановичем Овчинниковым, они высказали мнение, что эту россыпь нужно готовить для драги.

Нужно было ускорить разведку, и Евангулов посоветовал применить ударно-канатное бурение, широко внедренное на Колыме, пообещав срочно прислать станки и опытных мастеров.

Свое слово, как всегда, он сдержал, и уже весной следующего года впервые на Чукотке, в Ичуеемской долине, эти станки пошли в ход, заменив труд шурфовщиков на больших глубинах. Разведка ускорилась.

За короткий срок мы уточнили контуры ичуеемской россыпи и подготовили огромный дражный полигон, доразведали россыпи «Быстрого» и «Станового». Горняки получили новые запасы драгоценного металла.

Шло время, проходили годы. Управление набирало силы. Уже выросли кадры чукотских поисковиков и разведчиков золота. Работа шла успешнее. Привык к Чукотке и я. Теперь, когда я ближе узнал эту суровую, но прекрасную землю, когда пешком, на тракторах, летом и весной, холодной осенью и пуржливой зимой изъездил и исходил десятки и сотни километров, она уже не казалась такой неприветливой и угрюмой.

Вырос и прииск «Комсомольский». Там, где когда-то стояли палатки геологов, возник красивый поселок с двухэтажными домами, паровым отоплением. По сопкам, где в далеком уже 1950 году мы брели, возвращаясь из партии Храмченко, проложена автотрасса, связавшая прииск с Певеком. По ней зимой и летом, и в дождь и в метель бегут автомашины с грузом для горняков. По тундре и горам, через перевалы шагнули мачты линий электропередач. На самом Ичуееме поднял парус золотой корабль — плавучая фабрика — драга — самая северная в мире. Нет уже Ичуеемской

партий. От ее поселка остались только кучи торфа, которыми утепляли домики и палатки. Геологи переехали дальше в тундру — искать новые клады. А история открытия золота на Ичуееме осталась. Осталась как славная страница покорения суровой Чукотки, как начало ее золотой жизни.

10 **НО ВЕРНЕМСЯ** назад. В 1956 году вниманием чаунских геологов завладело таинственное раучуанское золото. Мы снова углубились в изучение документов, смотрели карты, зарисовки, дневники. Все материалы, особенно собранные партией Пучкова, приводили к твердому убеждению, что на Кенейееме золото должно быть.

И вот снаряжается новая партия. Ее возглавил молодой геолог Александр Ильич Григорьев. Ранней весной опять, как и раньше, в дальнюю дорогу ушли тракторы. Теперь добираться было легче, путь был известен.

«Нам было легче, чем Фоме Сидоровичу Пучкову, — рассказывает Александр Ильич. — У нас было четыре трактора, и то мы с большим трудом преодолели перевал. Только тогда мы по-настоящему оценили труд наших предшественников. До Кенейеема добрались на шестые сутки. На перевале все еще стояли сайи, оставленные Пучковым в 1950 году. Они были как бы памятником трудолюбию и героизму геологов».

Александр Ильич энергично приступил к работам. В долине опять загремели взрывы. Основной упор был сделан на небольшой ручей Ветка, где прежде Фома Сидорович Пучков получил наилучшее золото. Здесь были пройдены дополнительные шурфовочные линии и одновременно продлены линии Пучкова. Первые же результаты промывки не только подтвердили данные Фомы Сидоровича, но и улучшили их. Золото, как говорят, пошло, и оно было промышленное. Геологи обрадовались удаче, но вдруг обнаружили, что россыпь была небольшая и скоро оборвалась. Неужели это все?

Летом, разойдясь по маршрутам, геологи на одной из сопкок нашли кварцевую жилу с видимым золотом. В белых обломках кварца ясно видны мелкие золотинки, встречались отдельные кристаллики. Это была редкая находка.

Для помощи молодому начальнику партии Григорьеву мы отправились на катере по Чаунской губе. Первая цель — устье реки Кремянки, откуда мы должны были начать путешествие пешком.

Зафыркая и взмучив воду за кормой, катер медленно отошел от пирса. Позади остался Певек. Наше путешествие началось. Плыдем недалеко от берега. У подножия голых серых сопкок виднеются склады, дома, а дальше, на крутом мысу, возвышаются копры шахт. Рядом высокое здание обогатительной фабрики. Это рудник «Валькумей». Проплываем мимо него. В крутых обрывах, спускающихся прямо к морю, как на рисунке, видно залегание пластов горных пород. Среди них нередко встречаются кварцевые жилы. Белые обломки их валяются у самой воды.

За рудником открывается широкий морской простор. Сопки отступают далеко к горизонту. Некоторые из них словно подпирают небо своими вершинами.

Море спокойно. Очень тепло, ведь уже середина июля. Тихо работает двигатель, и катер плавно скользит по морской глади. Проходит час за часом, и мы все дальше и дальше удаляемся от обжитых мест, от Певека. Скоро наступит вечер. Хотя так же ярко светит солнце, спустившееся к горизонту, но природа как будто засыпает после длинного полярного дня. Воцаряется удивительная тишина. Лишь изредка ее нарушают пролетающие гагары да всплески крупных морских рыб.

Мы приближаемся к Редкучи — небольшому поселку, расположенному по берегу крупной реки — Чауна. Катер замедляет ход. Идем очень осторожно, чтобы не сесть на мель. Опылительных знаков нет, и старшина катера, стоящий у руля, определяет фарватер по одному ему известным при-

метам. Ночуем у знакомого председателя сельсовета Михаила Петруши.

Рано утром отправляемся дальше. Катер пересекает бухту, держа курс на геодезический знак, обозначенный на нашей карте. В туманной дымке скрываются берега. Пока знака не видно, идем по компасу. Ведем неторопливый разговор. Тридцать дней и ночей нам предстоит провести вдали от населенных пунктов, наедине с суровой природой. И если что случится, мы не скоро сможем сообщить об этом: ведь тогда раций в партиях еще не было.

А время бежит незаметно. Вдали показывается долгожданный геодезический знак — треугольная вышка, стоящая на холме на берегу бухты. Катер идет прямо на него. На малой скорости идем вдоль берега, смотрим, где бы причалить. Везде очень мелко. Прошли километра три — везде мель. Возвращаемся к знаку и плывем в другую сторону. Опять мель. Лодки на катере нет. Принимаем решение: высаживаться прямо в море. До берега метров тридцать, и мы вынуждены раздеваться. Взяв в руки одежду и рюкзаки, набитые продуктами, по сходням лезем в ледяную воду. Быстро преодолеваем водную преграду и выходим на берег. Катер уходит. На нас немедленно набрасываются полчища комаров. Срочно приходится пускать в ход диметилфталат — противокомарную жидкость. Намазываем лицо, шею, руки. Теперь комары гучами гудят вокруг нас, но нападать не решаются. Разводим огромный костер из плавника. Весело трещат дрова, огромный столб дыма поднимается к небу.

Короткая летняя ночь проходит быстро. Утренняя прохлада заставила нас подняться. Чистое небо и роса обещают ясный и теплый день. Костер еще тлеет. Складываем оставшиеся головешки одну к другой, вспыхивает яркое пламя. Умываемся в море. В ожидании завтрака еще раз проверяем рюкзаки, получше укладываем вещи. Предстоит далекий путь. Нам нужно побывать в трех полевых партиях, работающих в этом районе. По карте намечаем подробный маршрут.

В тундре много путей, но надо выбрать самый легкий и удобный. К сожалению, он не всегда бывает самым коротким. Поэтому еще раз детально изучаем карту, уточняем план, разработанный еще в Певеке.

В нашей группе пять человек — пять разных характеров. Лев Константинович Хрузов — остроумный и душевный человек, начальник геологопоисковой экспедиции; два представителя из Магадана — Иван Нестерович Карбовничий и Владимир Леонтьевич Мосин. Оба они инженеры, совершенно не похожи друг на друга. Карбовничий по своей натуре упрям и немного ворчлив, а Мосин отличается веселым нравом и добродушием. Четвертый — мой сын Владимир — ученик 10-го класса, заядлый спортсмен и охотник. Это его первое длительное путешествие по тундре. Пятый я, начальник управления. Мне, старшему по должности и ответственному за все, что произойдет в пути, администрировать не приходится. Геологи знают, как важно в походах создать атмосферу взаимопонимания и дружбы. Позже мы в этом еще раз смогли убедиться. Вовремя оброненная шутка Льва Константиновича Хрузова или веселая история, которые любит рассказывать Владимир Леонтьевич Мосин, подымали наши силы даже тогда, когда мы еле передвигали ноги.

Наконец маршрут выбран. После завтрака и небольшого отдыха трогаемся в путь. Вначале, пока позволяет намеченный маршрут, идем по берегу моря. Под ногами шуршит галька. Солнце поднимается по небосклону и начинает припекать. Пока идти легко, морской ветер охлаждает и бодрит. Километра через три подходим к ручью, впадающему в море. Метрах в двухстах от его устья за небольшим поворотом виднеется озеро. На нем плавают гуси. При нашем приближении они не улетают, а, встревоженные, быстро плывут к берегу. Здесь к ним присоединяется стая, сидевшая среди кочек. За взрослыми гусями бегут маленькие, желтые, пушистые гусята, забавно переваливаясь с ноги на ногу. Гуси, как это ни странно, не улетают. Подпрыгивая на кочках, падая,

они изо всех сил машут крыльями, а улететь не могут. В эту пору они меняют свое оперение, и мягкие маховые перья не дают им возможности подняться в воздух. Через некоторое время после отчаянной суматохи и криков, вызванных нашим появлением, гуси скрываются в тундре, а мы идем дальше, возбужденные увиденным зрелищем.

Вскоре нам нужно сворачивать в сторону от моря. Выбираем путь по небольшому ручью и идем вверх по нему. Постепенно по ручью поднимаемся на перевал. Кругом сглаженные сопки — мы вошли в горы. Прибрежная равнинная часть тундры кончилась. Шагаем по сопкам. Под ногами твердая почва, мелкие обломки сланцев. С перевала оглядываемся вокруг: море уже далеко. Везде, куда ни глянешь, сопки, сопки. По склону, поросшему желтым ягелем, хрустящим под ногами, спускаемся вниз, в долину другого ручья. Места пошли болотистые, идти очень тяжело. Наконец выходим на сухую террасу. Она вся заросла кустарником. Выбираем подходящее место и останавливаемся на ночевку. За 10 часов прошли около 30 километров.

Рано утром трогаемся дальше. Снова поднимаемся на сопки, по ним идти легче. С высоты открывается чудесная панорама. Далеко вокруг виднеются цепи гор, больших и маленьких, с вершинами самой разнообразной формы, а внизу лежит широкая долина реки Коневаам. Через несколько часов подходим к реке. Ориентируемся по карте и ищем брод. С трудом, преодолевая сильное течение, переходим на другой берег. Нас обступает высокий кустарник. То тут, то там вылетают куропатки и, пролетев немного, снова скрываются в густом кустарнике. Их здесь так много, что мы не успеваем считать. Жаль, сейчас нельзя охотиться. Пока разгорается костер, успеваю поймать на удочку несколько крупных хариусов. В глубоких омутах видно, как они стоят у дна, шевеля плавниками.

Поднимаемся по ручью вверх. Дорога тяжелая. Долина покрыта кочками, густым кустарником, а дальше начинается

болотистая тундра. Приходится идти прямо по руслу, благо, ручей мелководный. Вскоре начинается дождь. Тундра сразу мрачнеет. Все небо заволакивает тяжелыми серыми облаками. Сквозь дождевую завесу и туман, поднимающийся от мокрой земли, с трудом проглядываются сопки...

На следующий день поднимаемся на склон сопки. Часто встречаем выводки куропаток. Забавно смотреть, как за мамашей, серой куропаткой, катятся серо-желтые комочки. Куропатка мечется из стороны в сторону — то подбежит к нам, волоча, словно подбитое, крыло, то снова отбегает к своим перепуганным деткам.

А мы шагаем вперед. По склону идти легко. Под ногами мелкий гравий и светло-желтый мох — ягель. Кое-где встречаются мелкие ямки с холодной, кристально чистой и вкусной водой. Очень много грибов, в основном подберезовиков. Реже встречаются подосиновики, маслята и сыроежки. Они растут почти на голых камнях. На ходу собираем их в накомарники.

Поднимаемся на водораздел. Кругом высокие сопки. Среди них выделяется Эльвенецкий гранитный массив — мрачная вершина, возвышающаяся над всеми остальными. Внизу вдаль, в серой дымке виднеется широкая долина реки Баранихи, или Раучуа, как ее называют чукчи. На другом берегу ее тянется горная цепь. Где-то, не доходя до Баранихи, находится партия Григорьева, куда мы идем. Еще раз смотрим на карту. Сейчас мы на водоразделе речки Гремучей. Слева в нее впадает крупный ручей, расстилается долина. Там база партии. Нам ее пока не видно, но она рядом. Спускаемся в долину ручья Ветка и идем по ней.

Через два километра перед нашими глазами возникает база. Пять белых палаток стоят на берегу речки. Над одной из них на высоком шесте полощется красный флаг. Он — символ того, что здесь, в далекой глухой тундре, возник, пусть пока временно, новый советский населенный пункт. В палатке с красным флагом — начальник партии и прораб — Александр Ильич Григорьев и Женя Дубинин. Как истые

полевiki — с большими бородами, хотя оба они, особенно Дубинин, еще очень молодые. Я уже давно заметил: чем моложе геолог, тем больше борода!

В палатке топится железная печь. На ней неизменный чайник. Полевiki готовы пить чай и днем и ночью. После тяжелого пути по горам, ночевки в тундре у костра эта теплая палатка кажется верхом уюта. Раздаем письма, принесенные из Певека. И сразу же начинается деловой разговор. Мы смотрим образцы и шлихи. Узнаем, что по ручью Ветка, рядом с базой, в шурфах обнаружено промышленное золото.

Утром идем на шурфовочные линии. День сегодня теплый. Внимательно осматриваем отвалы. В нашем присутствии промывают пробы. Мы видим первое золото и вместе с геологами разделяем радость успеха. Рядом на сопках много обломков кварцевых жил. Внимательно изучаем обломки кварца, ищем золото. С сопки хорошо просматривается долина речки Кенейвеем и ручья Ветка. По нашим предположениям, россыпь этого ручья должна продолжаться и по Кенейвеему. Если это так (ответ даст разведка), то здесь лежат большие богатства. Этот вопрос давно уже мучил и Александра Ильича. Неужели все золото ограничивается небольшой россыпью по Ветке? Он прекрасно понимал, что от правильного ответа на этот вопрос зависело многое. После обмена мнениями мы все решили, что золото должно быть и по Гремучей (так теперь на картах уже называлась Кенейвеем). Следующий день мы решили отдохнуть. Нужно было набраться сил: предстоял трудный переход. После обеда вымылись в бане, устроенной в одной из палаток. Вечером — снова разговоры о делах. Отдыхать легли поздно. Погода начала ухудшаться. Но мы решили идти, иначе не успеем к приходу катера.

Проснулись рано утром, и необычная картина предстала перед нами. Идет снег. Крупные хлопья его покрыли сопки, тундру. Кругом стало бело, словно это январь, а не июль. Снег такой густой, что сопки совсем не видно. Немного переждали в надежде, что прекратится снегопад. Прошло два ча-

са, а погода по-прежнему не улучшается. Мы рассудили, что при большой изменчивости погоды на Чукотке и длительности нашего маршрута все равно ненастье может застать нас в пути. Избежать этого нельзя. Правда, Иван Нестерович начал ворчать, что в такую погоду никто не ходит, но его не поддерживали. Все были настроены по-боевому. Решили идти.

До перевала нас провожает Александр Ильич. Идем гуськом, друг за другом, чтобы не потеряться в тумане. Ничего не видно буквально в десяти метрах. Ориентируемся только по компасу и карте.

После тяжелого многодневного пути еще к двум полевым партиям и перехода назад к морю выглядим мы все усталыми. Стало холодно, пошел снег. Расположившись на ночлег, в ожидании катера приводим в порядок свои записи и дневники.

Утром выходим на берег и всматриваемся вдаль — туда, откуда должен появиться катер. Но его все нет. Море пустынно, и лишь вдали, на другом берегу бухты, виднеются темные сопки. После шторма везде валяются плети морской капусты, бревна и доски. Наступает время обеда, а катера нет. Теряемся в догадках — в чем же дело?

Вторая ночь, проведенная в избушке, также не принесла нам удовлетворения. Катера все нет. Не пришел он и к вечеру.

...Утром первым делом смотрим на море. Оно спокойное. Безбрежная водная гладь доходит до горизонта. Волны лениво ласкают берег. Светит яркое солнце. Очень тепло. Наступили прекрасные последние дни короткого чукотского лета. С нетерпением ждем катер. Когда и после обеда он не появился, решаем с утра идти пешком: продукты наши на исходе, и больше ждать мы не можем. Видно, с катером что-то случилось. Детально изучаем карту, намечаем маршрут. До Чауна, судя по карте, около 40 километров. Надеемся за два дня не спеша добраться. Решаем идти по берегу, не удаляясь

в тундру. Там очень много озер. Их голубыми пятнами покрыва-
ет вся карта этого участка. Озера разные — большие и ма-
ленькие, круглые и вытянутые в длину. Нам придется пере-
секать несколько рек, впадающих в море. Реки неширокие,
и мы надеемся преодолеть их сравнительно легко (как мы
глубоко ошибались, обнаружилось при форсировании первой
же речки). Наметив маршрут, еще раз просматриваем содер-
жание своих рюкзаков. Они за эти дни значительно облегчи-
лись. Да это и неудивительно — пять полноценных едоков!

Пересчитываем оставшиеся продукты, устанавливаем
норму, исходя из предположения, что будем идти до Чауна
два дня. До вечера все еще ждем катер. Темнеет, и наши
надежды окончательно исчезают. После ужина сразу же
ложимся спать. Утром готовим усиленный завтрак и в 9 ча-
сов трогаемся в путь.

Через два часа подошли к первой речке. Пытаемся перейти
ее в самом устье, там, где она впадает в море. Вначале
мелко, а затем глубина резко возрастает. Приходится вернуть-
ся на берег, здесь ее не преодолеть. Поднимаемся выше по
течению и еле-еле находим брод. Глубина большая, Лев Кон-
стантинович Хрузов еле достает ногами дно. Хорошо, что
в устье почти нет течения, иначе нас сбilo бы с ног. Перейдя
речку, быстро одеваемся и разводим большой костер, благо
плавника полно. Согревшись, идем дальше.

Проходит несколько часов. Выходим на берег Чауна —
одной из крупных рек Чукотки. Перед нами широкая водная
гладь. Сразу же возникает вопрос, как будем перебираться.
Ширина реки метров триста. Быстрое течение, холодная вода.
Внимание всех привлекает небольшой остров, который как бы
разделяет реку пополам. На другом берегу, километрах
в двух, виднеется поселок. Невдалеке ходят люди, видно,
гуляют — сегодня воскресенье — или собирают грибы и яго-
ды, которых здесь очень много. День теплый, светит солнце,
но уже чувствуется начало осени. На Чукотке переход от
лета к осени совсем незаметен. На берегу разводим костер.

Продукты почти все кончились. Из остатков варим суп. После
небольшого отдыха начинаем искать брод. Карбовничий и
Хрузов уходят по берегу вверх, а мы этим временем иссле-
дуем берег, собираем старые бочки из-под горючего и бревна,
а потом мастерим из них плот и на мелком месте испытываем
его. Плот очень неустойчив, и мы от него вынуждены отка-
заться. Хрузов и Карбовничий вернулись. Прошли не менее
десяти километров, а брода не нашли. Река везде глубокая и
широкая. Решаем — одному из нас нужно переправиться на
другой берег, сходить в поселок и оттуда прислать за нами
лодку. Место для переправы выбрали напротив островка.
Он даст возможность отдохнуть при переправе. Еще раз раз-
вели костер, вскипятили чай. Форсировать реку вызвался
Владимир Леонтьевич Мосин. Мы же стояли на берегу, гото-
вые в случае необходимости немедленно броситься ему на
помощь. Однако наша помощь не потребовалась. Владимир
Леонтьевич благополучно переправился на ту сторону, а нам
оставалось ждать лодку.

Помощь подошла своевременно, и через несколько часов
мы были в доме у старого знакомого, главного бухгалтера
совхоза Санникова, ранее работавшего у нас. Мы с огромным
аппетитом едим все, что появляется на столе. С еще большим
удовольствием после сытного ужина все набрасываемся на
чай: ведь теперь мы его можем пить с сахаром. От теплой
печки и горячего чая нас разморило. После ужина уходим
в школу, пустовавшую во время каникул, и устраиваемся
на ночь. Утром появился Мосин и рассказал о своих приклю-
чениях. Когда он прибежал в поселок, то узнал, что катер стоит
у пирса. Тот катер, который должен был забрать нас. Первое,
что он сделал, — побежал на катер. Там ему сообщили, что
задержка произошла из-за ремонта, но катер за нами все же
заходил, и заходил в тот день, когда мы ушли с Кремьянки.

Все осталось позади — и наше ожидание, и наш тяжелый
поход. Договорились, что после разгрузки катера (который
доставил продукты в совхоз) отправимся в Певек.

...Прошел ровно месяц, и наш пятисоткилометровый маршрут по горам и долинам Чукотки завершен успешно. Мы посетили очень интересный район, побывали в трех партиях. Вернулись с убеждением, что и на Гремучей будет найдена россыпь. Мы окончательно поверили в раучанское золото.

Задача на будущее была ясна. Зимой 1956 года в долине Ветки возобновились работы. Первые разведочные линии задал Феликс Максимович Сикорский. На берегу ручья вокруг оставленных после сезона палаток полевииков возникли новые палатки разведчиков. Появился маленький поселок. Ранней весной 1957 года мы получили долгожданное известие: обнаружена россыпь по самой речке Кенейвеем. Наше предвидение оправдалось. Речка, правда, носила уже другое название, данное ей топографами, проводившими съемку, более громкое и, как показала дальнейшая ее судьба, более ей подходящее. Теперь она называлась Гремучей, и слава о ней впоследствии прогремела на всю Чукотку.

Это открытие было победой геологического научного предвидения. Было ясно, что работы предстоит много, придется прошурфовать всю долину до устья Гремучей, до ее впадения в Бараниху. Возник вопрос о стационарной базе партии: с Ветки нужно было уходить вниз, к центру разведочных работ. Решили строить поселок на Баранихе.

Летом того же года я вместе с Дмитрием Ивановичем Овчинниковым побывал в этом районе.

На «аннушке», пилотируемой полярным летчиком Глазковым, через час мы приземлились на Баранихе. На берегу реки мы выбрали площадку и место для базы партии. Сюда должны были переехать разведчики с Ветки. Пока же здесь стояли две палатки — новое место уже начинал обживать начальник разведочного участка Семен Петрович Богдасов. Обсудив дальнейшие планы разведочных работ, мы улетели в Апапельхино.

Воздушная связь с Баранихой была установлена. Вскоре началась загрузка грузов. Наступила новая зима. Шурфовка

шла полным ходом. Отряд разведчиков увеличился. Поселок рос с каждым днем, появился электрический свет.

Вскоре началась массовая промывка шурфов. Загудели бойлеры в промывочных палатках. С каждым днем становилось яснее — золото на Гремучей есть! Пройдет немного времени, и здесь возникнет новый прииск.

Прошло три года. Разведчики (ими уже руководил Дмитрий Павлович Асеев — такой же неутомимый, как и прежде), кроме россыпи по Гремучей, нашли россыпь в соседнем ручье. Рядом с поселком разведчиков стали строиться горняки. Возник прииск имени XXII съезда КПСС. Теперь это — один из крупнейших приисков Чукотки. А нам, геологам, предстояли новые поиски, новые находки.

II НО ПРЕЖДЕ чем их совершить, нужно было определить направление дальнейших работ. Предстоял новый этап геологических исследований. Ведь прошло восемь с лишним лет, с тех пор как Алексей Власенко намыл первые богатые пробы на Ичувееме и впервые было высказано мнение о возможности открытия золотых россыпей в этом районе. Остались позади первые неудачи и первые успехи, накопилось много интересного и ценного материала. Мы уже владели практическим опытом поисков и разведки россыпей в полярных условиях. Уже было доказано, что Чукотка хранит в своих недрах богатые золотые клады. Есть они на Чауне, есть и на Анюе. А в других местах? От ответа на этот вопрос зависело многое. Как в свое время от правильного ответа — есть ли на Чукотке золото — зависела организация работ по его поискам, так теперь правильная оценка золотоносности этого края определяла темпы этих работ, их будущий размах.

Дать такую ответственную оценку взяли на себя руководители Северо-Восточного геологического управления —

Борис Богдасарович Евангулов, Израиль Ефимович Драбкин и Николай Петрович Аникеев. Начальник, главный инженер и главный геолог — главнокомандующие огромным отрядом геологов Колымы и Чукотки. Они имели большой опыт поисков и разведки золотых россыпей. За их плечами были долгие годы работы, открытия многих месторождений. Богатая эрудиция, глубокие знания и научная смелость позволили им успешно справиться с этой нелегкой задачей. Забегая вперед, можно сказать, что прошло еще немало лет, прежде чем эта оценка была признана всеми. А тогда, в 1957 году, даже не все члены научно-технического совета верили в эту оценку. А что говорить о горняках, которые вообще были ошеломлены называвшимися цифрами. Эти цифры доказывали, что добычу золота на Чукотке можно увеличить во много раз. Мы, геологи, восхищались силой научного предвидения; когда Израиль Ефимович Драбкин, обосновывая оценку золотых запасов Чукотки, напоминал о смелом прогнозе Юрия Александровича Билибина по Колыме.

Так началась новая страница в истории чукотского золота. Вскоре работы по золоту были резко увеличены на всей территории Чукотки — от Анюя до Анадыря. На помощь геологам пришла авиация.

Отважные летчики Магаданской авиагруппы, возглавляемые их славным командиром, человеком большой души, Николаем Ивановичем Крыловым, стали неразлучными друзьями геологов. На своих неприхотливых АН-2 и ЛИ-2, на вертолетах МИ-1 и МИ-4 они забрасывали полевиков и разведчиков в самую отдаленную тундру. Именно их усилиями становились доступными самые недоступные места.

Авиация дала возможность значительно ускорить выявление новых природных богатств. Горячей признательности и искренней любви нашей заслуживают десятки крылатых помощников, деливших с нами все радости и трудности геологических будней. А сколько жизней спасли отважные авиаторы!

Каждый геолог Чукотки с искренней признательностью вспоминает летчиков, с которыми ему приходилось совместно работать. Я навсегда сохранил память о безгранично смелом, веселом и душевном летчике Глазкове, с которым мы не раз на «аннушке» пробивались сквозь туман и облака на Ичувеем и Бараниху, на Угольную и Пламенную.

Я до сих пор хорошо помню застенчивого Сапу Горленко — пилота МИ-4, влюбленного в свою нелегкую профессию, вспоминаю наши полеты и беседы у костра. А сколько еще теплых слов можно было сказать о многих и многих летчиках — молодых и старых, с которыми нам, геологам, пришлось вместе работать на Чукотке!

О Максиме Филипповиче Талалаеве, променявшем уютное кресло начальника на беспокойную должность командира АН-2, о Бардыкине — отчаянно смелом, опытейшем летчике. Большого счастья и успехов я желаю им всем, удачных полетов, чистого и ясного неба!

А геологи шли вперед. С каждым годом появлялись открытия новых золотых россыпей. Кроме Чауна были обнаружены золотые клады на Анюе. Появилась новая россыпь в Анадырском районе. Изучив центральный район Чукотки, мы обратили свои взоры на восток, в те края, где плавал Дежнев.

12 ЭТО РЕШЕНИЕ не было случайным. Изучая и анализируя нашу многолетнюю работу, мы пришли к выводу, что существуют определенные закономерности в распределении золотоносности. Изучив эти закономерности, мы «осмелились» начать работы в отдаленном районе, хотя он, по прежним представлениям, был типично оловоносным. Это подтверждалось и наличием здесь крупного разрабатываемого оловянно-вольфрамового месторождения и ряда бо-

лее мелких месторождений. Это подтверждали и все предшествующие исследования. Но мы решили рискнуть, веря в правоту своих взглядов, своих новых представлений.

Суров Ледовитый океан. Когда-то здесь плыл русский землепроходец, лихой казак Семен Дежнев «со товарищами». Давно это было. Глядя на суровый океан, невольно задумываешься, какое мужество нужно было иметь, чтобы вести деревянные корабли-кочи в такую неизведанную и дальнюю дорогу — дорогу, полную опасностей. Преодолевая и стужу и голод, плыли казаки «навстречу солнцу», в поисках новых земель. Плыли в поисках моржового клыка и проплывали мимо несравненно больших богатств, тающихся в ледяных недрах, — мимо подземных кладов, которые природа запрятала в этих холодных и дальних краях.

Да и кто тогда мог знать о неисчислимых природных богатствах Чукотки? Ведь только спустя двести лет известный геолог, профессор Санкт-Петербургского горного института Карл Иванович Богданович впервые нашел на берегу следы морской золотой россыпи. Но эта находка забылась.

Прошло еще немало лет. Весь мир облетела весть о золоте Аляски. Пронырливые американские хищники устремились и на Чукотку в поисках богатого золота. Но их попытки были тщетными. Только несколько десятков пудов золота удалось добыть в горах Золотого хребта, и на этом все закончилось.

Незадачливым охотникам до чукотского золота пришлось убраться восвояси. На Чукотку пришла Советская власть. Пришел истинный хозяин гор Заполярья. Но понадобилось еще немало лет, чтобы подземные богатства поступили на службу народа. Суровая природа крепко хранила тайны подземных кладовых. И вот мы решили разгадать эти тайны.

Май 1961 года. В разукрашенном диаграммами и картами Певекском клубе полно народа. С огромным любопытством

рассматривают присутствующие богатую коллекцию полезных ископаемых, найденных на территории Чукотки. Здесь же образцы золота — самородки, пробирки с золотом из разных россыпей. Идет вторая районная геологическая конференция. В зале стоит тишина. Присутствует секретарь областного комитета партии Павел Яковлевич Афанасьев. Он, как всегда, внимательно слушает всех выступающих. Павел Яковлевич давно равнодушен к геологам. Глубоко вникая во все их нужды, он оказывал повседневную помощь в их беспокойной работе. Геологи всегда видели в нем своего советчика, мудрого и требовательного, простого и душевного человека. Внимательно слушают доклады геологов и руководители Северо-Восточного геологического управления Израиль Ефимович Драбкин и Николай Петрович Аникеев. Конференция обсуждает животрепещущие вопросы: как быстрее, с наименьшими затратами найти новые богатства, и в первую очередь золото. Ему по существу посвящена вся конференция. Делятся своим богатым опытом поисков и разведки золота на Колыме Драбкин и Аникеев. Рассказываю о чукотском золоте, о дальнейших перспективах поисков и их направлении и я. О геологии этого интересного района Чукотки докладывает Марий Евгеньевич Городинский. Выступает с докладом о разведке Игорь Евгеньевич Рождественский. За плечами геологов, в их активе уже есть и известное ичужеемское золото и россыпи Раучуа (Баранихи). Сейчас они внимательно слушают доклады, мечтают о дальнейших работах.

Конференция закончила свою работу, а геологам предстояло от теоретических размышлений, дискуссий, докладов перейти к практическим делам. В разные концы необъятной чукотской тундры уходили полевые партии. Работы было очень много. Все спешили. Снег таял буквально на глазах. С утра до позднего вечера, используя оставшийся снежный покров, летали неутомимые «аннушки». В дальние точки забрасывали грузы и людей вертолетами. Тундра гудела. Одна

из партий забрасывалась на крайний Северо-Восток, в район мыса Шмидта. Там, по нашим предположениям, должны были быть новые россыпи золота. И хотя это был типично оловоносный район, как об этом свидетельствовали все геологические схемы, мы надеялись найти золото. Такая ответственная задача была возложена на опытного геолога Владимира Петровича Полэ. Он возглавил партию, отправившуюся в этот отдаленный район.

Когда-то, еще в 1948 году, здесь проходил маршруты Василий Алексеевич Китаев. Но исследования были кратковременные, беглые, маршруты очень редкие и положительных результатов не дали.

Правда, работавший в партии Китаева поисковик Власенко, тот самый Алеша Власенко, который обнаружил ищущее золото, и здесь обнаружил знаки этого металла. На это тогда никакого внимания не обратили. По случайному совпадению и сейчас к Полэ поисковиком направлялся Алеша Власенко.

Авиация сделала свое дело, и в июне партия приступила к работе. Мы с нетерпением стали ждать от нее известий. Я уехал в отпуск. Мысль о Полэ, о его партии беспокоила меня везде — в Москве и на Юге. В сентябре я получил письмо: результаты у Полэ блестящие!

А события в партии, как мы потом узнали, разворачивались следующим образом. Как обычно, геологи вели поисковые работы. Каждое утро рано уходили в маршруты. Полэ составлял геологическую карту, поисковики лазили по ручьям и отбирали пробы. Возглавлял их неутомимый Алеша Власенко. Он, как кудесник, высматривал наиболее благоприятные места, где могло скапливаться золото, и брал пробы. Но и ему в этот раз не везло. Проходили дни, а золото не обнаруживалось. Многие ручьи оказались пустыми, некоторые показывали лишь знаки золота. Но вот к концу лета приступили к опробованию последней речки. Она текла среди невысоких, сглаженных сопок, терялась где-то в туманной

дали. Незаметная и непривлекательная горная речка, названная чукчами мертвой речкой — Пильхинкуулем.

Вдруг в одной из проб, взятой из этой речки, появилось золото. Желтые крупинки его заблестели в лотке. Работа пошла веселее. Вскоре за одной золотой пробой появилась вторая. Прошло несколько дней, и геологи установили, что золото тянется на значительном протяжении. Хотелось работать еще и еще, но полевой сезон уже был на исходе. Стало холодно. У берегов речки и в озерах по ночам начала замерзать вода и появился тонкий ледок. Днем, под лучами солнца, он таял. Стояла по-осеннему прохладная погода. Уже чувствовалось приближение зимы. Ночью окаменевала, замерзая, земля. Геологи торопились закончить работы.

И вот однажды в верховьях этой речки взяли пробу. В этом месте впадал незаметный ручеек. Как обычно, расчистили место для взятия пробы, разгребли гальку, и сам прораб набрал лоток породы. Не успела и наполовину смыться пустая порода, как в лотке замелькали золотинки. Когда почти весь шлик был смыт, на дне лотка сияло золото. Быстро взяли еще две пробы. В каждой из них содержание удивляло даже выдавших виды геологов. О таком золоте можно было только мечтать!

Партия вернулась в Певек. О выдающейся находке было доложено в Магадан.

Зимой 1961 года из Певека в далекую дорогу ушел тракторный поезд. Предстояло преодолеть 600 километров бездорожья, 600 километров дикой, безлюдной тундры. Многие ручьи, речки, несколько перевалов лежали на пути. И только один небольшой поселок разведчиков на ртутном месторождении «Пламенное», незадолго до этого открытом. Но люди не робели. Бывалые трактористы, ведомые отличным знатоком своего дела Василием Меркуловым, устремились вперед. Тяжело двигались груженные тракторы, скрипели на подвесах деревянные передвижные домики — жилье для разведчиков. От чрезмерной нагрузки рвались железные водила

у саней. С каждым часом колонна уходила все дальше и дальше, в ледяное безмолвие. За ее продвижением следили самодеты.

Через пару дней, на новом месте безмолвную тишину нарушили взрывы. Появились первые шурфы. Так, в труде, проходила зима. Очень часто небо застилали тучи, налетал бешеный ветер — «южак», дрожали стены домиков, выло и свистело вокруг. Казалось непонятным, откуда ураган несет сплошную стену снега. Иногда пурга продолжалась несколько дней, и тогда небо сливалось с землей. В нескольких шагах не было видно домиков, пропадали из виду сопки. Заметало шурфы, и люди снова были вынуждены расчищать их, чтобы пройти еще и еще один метр, добраться до золотоносного пласта.

За одной линией шурфов появилась вторая, затем третья. Люди постепенно подбирались к золоту, а оно не давалось в руки. В недоумении был Дмитрий Павлович Асеев. По-прежнему неутомимый, он мало изменился, словно время было невластно над ним.

Теперь он здесь руководил разведчиками, вместе с ними переживал все невзгоды, осваивая новые и такие трудные места. Несмотря на большой опыт, и он не мог понять, где же золото, где его искать.

Прошла зима. Вскоре зажурчали ручьи. Работа пошла веселее. Но промывка давала отрицательные результаты. В лотках были только знаки золота. Даже вблизи знаменитой пробы Власенко, где раньше было полно золота, содержание повышалось незначительно. Настоящего золота не было. Неужели мы ошиблись в своих прогнозах? Неужели все труды напрасны? Нет, не может этого быть! Золото есть, его только нужно лучше искать.

Легко сказать: искать. А где искать, где оно лежит? Промывали лоток за лотком, а результаты все те же. Лишь изредка попадали золотинки, но их было мало. Значительно меньше, чем рассчитывали.

Незаметно пролетело короткое чукотское лето. Снова наступила зима — длинная полярная зима. Но это лето не прошло зря. Геологи собрали дополнительный материал. Пришла новая зима, а затем опять наступила летняя пора. А настоящего золота все не было. Стремясь помочь разобраться с создавшимся положением, я и Виктор Федорович Логинов — один из разведчиков анюйского золота, главный инженер Северо-Восточного геологического управления — на вездеходе прибыли на участок. Целый день ходили мы, смотрели отвалы шурфов, беседовали с разведчиками. Вместе с Алексеем Власенко побывали на его знаменитой точке — там, где он обнаружил богатое золото. Но и тут промывка показала незначительное содержание. Загадка оставалась неразрешенной. Решили усилить промывку, чтобы к зиме промыть все шурфы, и уже тогда делать выводы. Такое распоряжение дали разведчикам. Их стало уже значительно больше. Поселок разведчиков разросся. Прибыли новые люди. Работы пошли быстрее. А нас по-прежнему мучили сомнения. Если нет золота там, где была взята богатая проба, его нужно искать ниже по течению речки. Пробы, полученные Полз, говорили об этом. Решили начать шурфовку на новом участке. Первые же результаты промывки обрадовали. Золото пошло! Вначале его было немного. Постепенно начали нащупываться контуры россыши. Нужно было усиливать работы. Разведочный участок решили превратить в партию. И весной 1964 года тракторная колонна снова уходит в рейс. Теперь ей идти недалеко — всего 70 километров от соседней партии, где тоже велась разведка. В тундре возникает поселок — база партии. Строятся деревянные домики. Молодой, энергичный начальник партии Юрий Георгиевич Анисимов сколачивает молодежный коллектив. Разведчики быстро обживаются на этой неуютной земле и ведут работы на новом участке. Но первые результаты и здесь не радуют. Золото, хотя и промышленное, но содержание его невысокое. Неутомимый геолог Юрий Александрович Эсаулов, — молодой симпатичный

парень с модными «заграничными» усиками и кипучей энергией, — и более солидная, переживающая каждую неудачу, как свою личную беду, Ольга Ильинична Сороченко не покладает рук. Сороченко в свое время участвовала в разведке россыпи Гремучей и уже имеет неплохой опыт. Вместе с Эсауловым они стремятся разгадать тайну полярного золота, выяснить, правы ли Полз и Власенко, стоит ли заниматься этим районом? Среди горняков уже поползли слухи, что золота здесь нет. Перестраховщики (где их только не бывает!) начали посылать рапорты в Магадан о нереальности данных геологов. Сколько в эти дни пришлось пережить геологам, какие нервы нужно было иметь и как верить в свою правоту, чтобы не сдаться! Но воля и выдержка победили. Прошло немного времени, и вначале один шурф, за ним второй, третий «азолотили», как говорят разведчики. Каждый новый промытый шурф свидетельствовал о большом золоте.

В мае 1964 года я снова посетил партию. Вместе со мной приехал заместитель начальника управления Иван Кириллович Чмиль — один из разведчиков ичувеевского золота. Нужно было ознакомиться с новыми результатами и наметить план дальнейших работ. Вездеход быстро доставил нас на участок. Весна была в полном разгаре. Отвалы шурфов парили под лучами солнца. Кое-где просачивалась вода. Здесь мы встретились с горняками. За год до этого был организован прииск «Полярный». Теперь, когда мы приехали, горняки уже начали подготовку к эксплуатации, но, не веря в здешнее золото, вели ее с оглядкой. Тогда мы вместе с ними поехали на промывку.

Разведчики показали нам золото. Высыпали на лист бумаги содержимое капсул. Перед нами сияли крупные, блестящие золотишки. Их было много, очень много. Теперь у самых заядлых скептиков не оставалось сомнений, что мы наконец нашли то золото, которое предсказывали, в которое верили, верили, несмотря на длительную неудачу при поисках. Воспрянули духом и горняки. У них появилась уверен-

ность, что самый северный в стране прииск будет жить долгие годы. Россыпь обещала быть крупной. Дальнейшая разведка это подтвердила.

Через несколько дней, закончив все дела, мы уезжали. А навстречу нам, преодолевая бездорожье, снега, шли автомашины. Они везли разные грузы, везли в тундру новую жизнь.

Разведчики же продолжали свою работу — проходили шурфы, бурили скважины, вели новые поиски.

13 А ВРЕМЯ ШЛО. Уже несколько лет, как покинули Певек Игорь Евгеньевич Рождественский и Марий Евгеньевич Городинский. Рождественский, руководивший коллективом чаунских геологов в течение трех лет, был назначен начальником нового, Анюйского геологоразведочного управления, а Городинский — главным геологом. Они уехали, чтобы возглавить работы в Билибинском районе, где разворачивались работы на огромной территории.

А мы продолжали искать. Искать все — олово, ртуть, уголь, но прежде всего — золото. Появляются новые открытия. Уже найдена россыпь Промежуточного и начинается ее эксплуатация. Разведано золото на Богатом. Там, где в 1950 году Гурьев пытался показать мне богатое золото, ведется разведка на Ватапвааме — том самом Ватапвааме, где когда-то вел опробование Храмченко. Обнаружены новые россыпи на Баранихе. Уже кончается разведка Пильхинкуля, хотя до сих пор он нами еще окончательно не разгадан. Неясно, почему эта богатая россыпь вдруг кончается в среднем течении реки. Почему ее нет в верховьях? Откуда золото попадает в россыпь? Вопросов много, а ответа на них пока нет. А ответ этот очень нужен. Нужен для прииска «Полярный», набирающего темпы, нужен и для нас, геологов. Мы должны получить этот ответ. Теперь в нашем распоря-

жении есть быстрый способ разведки — ударно-канатное бурение. Наши буровики сейчас — мастера своего дела. Они уже научились за один день проходить десятки метров скважин. Это не 1950 год, когда проходка каждого метра шурфа требовала огромных усилий.

Ставим бурение. Оно должно дать нам ответ на наши вопросы. И вот в начале июня 1964 года я с Иваном Кирилловичем Чмилом снова отправился на Пильхинкууль. Вертолет летит над тундрой. Внизу раскинулись белые сопки. Снег блестит под лучами солнца, и земля сливается с небом. Весна еще не дошла сюда, в эти суровые края, а ведь уже лето. Гудит мотор, быстро летит время, и мы не замечаем, как долетели до Пильхинкууля.

Вертолет идет на посадку. Мелькает поселок прииска «Полярный», домики и палатки разведочной партии. Садимся. К вертолету подходят разведчики. Впереди них шагает в длинных резиновых сапогах начальник партии Юрий Александрович Эсаулов. Из-за непогоды у них давно уже никто не был, и они особенно рады нашему приезду. Короткие приветствия, и мы идем к контуру. Кругом огромные лужи воды. Кое-где из-под снега виднеются бурные островки мха и травы.

После непродолжительной беседы и обмена новостями вылетаем на буровой участок, в долину речки Рывеем. Еще до посадки с вертолета видно, что оба станка на участке работают. Садимся у передвижных домиков. Давно уже на россыпной разведке мы заменили палатки домиками, что позволило сделать разведку маневренней, да и жить в них несравненно удобнее.

Здесь, в этой закрытой долине, очень тепло. Мы словно попали в другой мир, а ведь пролетели всего 30 километров. Беседуем со старшим буровым мастером Каулиным, рабочими. Настроение у всех бодрое, работа идет отлично. Производственный план перевыполняется. Радуют и геологические результаты. Беседа в полном разгаре, но подходят вертолетчики и торопят нас. Метеорологи с мыса Шмидта, с которыми

мы держим связь, сообщают, что погода портится. На Чукотке такая картина не редкость — только что было солнце, как вдруг все небо заволакивается тучами.

Мы возвращаемся в партию. Вертолет улетает, а мы остаемся. Вечером детально знакомимся с положением дел. Юрий Александрович и Ольга Ильинична Сороченко, главный геолог партии, рассказывают о результатах работ. Первая буровая линия на Рывееме, где мы только что побывали, дала хорошее золото. Значит, и за перевалом, за водоразделом с Пильхинкуулем, будет россыпь. Вместе с ними намечаем план дальнейших работ. Решаем срочно пробурить еще две детальные линии, рядом с той, что вскрыла россыпь.

Беседа заканчивается поздно. Выяснив все геологические новости, интересуемся делами горняков. Они пока готовятся к промывке. Здесь еще холодно, воды нет, и промывка начнется не скоро. Прииск полностью оправдывает свое название.

Наступил новый день. Погода резко ухудшилась. Стоит туман, холодно. Чувствуется близость океана.

На вездеходе отправляемся в соседнюю разведочную партию, в поселок, с которого начиналась жизнь в этом районе.

...Быстро пролетели два месяца. Буровики прошли намеченные нами линии, и мы узнали, что они подтвердили наличие россыпи.

Здесь, на побережье Северного Ледовитого океана, в приморской тундре, веками лежала она. Понадобились многие годы, чтобы добраться до золотых сокровищ. Прошли зима, лето, и здесь возник новый прииск «Ленинградский», названный в честь ленинградских геологов. Тех, кто в тридцатые годы, в экспедициях Главсевморпути проложил первый путь к золоту Чукотки, открыв олово, в честь Сергея Владимировича Обручева, Марка Исидоровича Рохлина, Бориса Никонovichа Ерофеева и многих-многих других отважных геологов, вложивших свой нелегкий труд в изучение далекой окраины нашей великой Родины.

14 ПРОШЕЛ ГОД. Защитив диссертацию по чукотским золотоносным россыпям, являющуюся итогом всех наших трудов — моих и моих товарищей, геологов и разведчиков, трудившихся вместе со мною все эти годы, я покидаю Чукотку.

Трудно было расставаться с суровым, но по-своему прекрасным краем. Я полюбил этот заснеженный край — сопки и озера, бурные холодные реки с прозрачной водой, безбрежную тундру, молчаливую зимой и яркую, полную жизни летом. А главное, полюбил хороших и смелых людей, с которыми мне пришлось переживать радости и беды. Управление, куда я приехал 16 лет назад, выросло и стало самым большим на Северо-Востоке. Теперь ежегодно в тундру уходят около тридцати партий и отрядов — геологических, геофизических, топографических, гидрологических. На геологов сейчас работает авиация, перевозящая сотни тонн грузов. Управление разместилось в большом двухэтажном здании. В специальном помещении создан музей. Здесь молодые геологи могут увидеть образцы горных пород и минералов, распространенных на Чукотке. Поблескивают черные и коричневые кристаллы оловянного камня из многих месторождений, краснеют образцы с киноварью, лежат стально-серые листочки молибдена, белеют обломки кварца с вкрапленностью золота. Рядом с чукотскими образцами лежат темно-зеленые образцы кимберлита Якутии — породы, содержащей алмазы и пластины черной слюды. Лежат и прекрасные образцы полиметаллических руд Приморья. Хороший, интересный музей. Все это — результаты большого труда геологов Чукотки.

Сейчас я в Москве. И по-прежнему моя жизнь связана с Севером. На его землю я впервые ступил молодым геологом, двадцатидвухлетним комсомольцем. А теперь мне пятьдесят. Прошла жизнь, но я не жалею, что связал ее с романтикой поисков подземных кладов этого сурового, но прекрасного

края. Теперь по моим стопам пойдут два сына и дочь — геологи. Север для них стал родиной — здесь они родились, выросли, полюбили его.

«Что же все-таки влечет на Чукотку? Что дает силы патриотам этого края бороться и преодолевать трудности? Вряд ли найдется человек, который не мечтал бы стать первооткрывателем, пролагателем новых нехоженных троп, участником каких-либо знаменательных открытий. О Чукотке писали и пишут: «дикая нетронутая земля», «край света», «ледяная пустыня», «край белого безмолвия». А ты пришел сюда, проник в ее тайны. По твоему пути пройдут другие люди, вырастут предприятия и поселки, будет освоен и обжит еще один уголок родной земли. Разве это не награда за все трудности?»

Здесь в суровых трудовых буднях проверяется каждый человек, его жизнестойкость и характер, его деловые качества и отношение к людям, его умение быть настоящим Человеком. И, пожалуй, нет крепче дружбы, чем та, которая рождается здесь, на суровых арктических просторах, в странствиях по тундре, в бесчисленных опасностях, которые подстерегают на каждом шагу».

Эти замечательные слова принадлежат автору книги «Чукотское золото» Марку Исидоровичу Рохлину — человеку несгибаемой воли, одному из первооткрывателей чукотских природных богатств. Он заканчивает свою книгу верой в славное будущее Чукотки.

«Как радостно сознавать, что Чукотка стала богатейшей сырьевой базой для мощных горнорудных предприятий, продукция которых столь необходима народному хозяйству страны, что в огромных масштабах продолжаются работы по дальнейшей разведке минеральных богатств этого края... А как изменится этот край...

Нельзя без волнения читать в газетах выступления тружеников Чукотки. Они с огромной гордостью говорят о будущем своего края.

Прошло немного лет с тех пор, как были написаны эти волнующие слова. А на карте Чукотки появились уже новые поселки, прииски, строится атомная электростанция, в юбилейном, 1967 году страна получила первую чукотскую ртуть.

«Итак, продолжение следует», — писал Марк Исидорович Рохлин. Мы продолжили его дела, и славные дела геологов того времени. Наш путь продолжают геологи сегодняшнего дня.

Поиски продолжаются.

Чемоданов Н. И.

4-42

В двух шагах от Северного полюса. Записки геолога. Магадан, Кн. изд., 1968.

64 с.

События, описанные в этой книге, охватывают период с 1949 по 1965 год и рассказывают об истории геологического изучения Чукотки, о первых неудачах и больших победах геологов в поиске и разведке золотых россыпей.

Автор, один из ветеранов освоения Северо-Востока СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, вспоминает о геологах, с которыми вместе работал, о геологических походах и исследовательских экспедициях, в которых он принимал участие.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей освоения богатств Северо-Востока.

91 (С19).